

Международная литературно-публицистическая газета. №1 (1), июнь 2011 г. <http://provintelligent.ru>

Газета выходит ежеквартально. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

Интервью

Уважаемые читатели, как вы знаете, издание «Провинциальный Интеллигент» выходит с 2009 года. Сначала была газета «ПИ», потом на ее базе было создано совершенно новое издание - газета «ПИ 1», затем к ней прибавился петербургский «Интеллигент». Сейчас учредитель проекта Сергей Пашков заявляет об издании московского и нью-йоркского «Интеллигентов». В этой связи у наших читателей возник ряд вопросов, которые они просили задать Пашкову.

- Сергей, газета в том или ином виде существует с 2009 года, а регистрацию, как средство массовой информации, она до сих пор не прошла. В то же время в России регистрация обязательна даже для заводских многотиражек. Как вам до сих пор удается обходиться без регистрации изданий?

- В соответствии с российским законодательством, если тираж газеты менее 1000 экземпляров, допустим 999 экземпляров, таким изданиям разрешается не проходить официальную процедуру регистрации. Однако все печатные издания особо контролируются в системе книжной палаты Российской Федерации, где хранятся все выпуски любой отпечатанной периодики. Издания исследуются, вносятся в систему учета по каталогам, формируются по направлению печатных материалов.

- Почему вы не регистрируете газету(ы)?

- Регистрация нам вовсе не нужна.

- Вы утверждаете, что при тираже газеты до 1000 экземпляров регистрация не требуется. Возможно и так, вам лучше знать российские законы. Тогда вопрос:

- Почему Вы держите тираж на одном и том же крайне низком уровне?

- Многие человеческие заблуждения очень стереотипны и наследственны. В этом легко убедиться на примере тех же космогонических текстов и преданий народов мира. Еще до нашей эры, и на границе перехода в новую эру, когда не была развита письменность, многие люди понимали космогонический стиль писания, то есть не буквальный, а духовный. Сейчас та же Библия имеет самый большой тираж в мире, но мне до сих пор не встречались люди, реально понимающие эти духовные тексты! Неужественен человек, который считает, что если он опубликовал или опубликовался в издании с тиражом 100 000 экземпляров и более, то он известен всюду и его всюду будут читать. Сейчас легко проверить реальное число почитателей любого автора, для этого достаточно открыть авторский сайт. Я могу привести множество самых убедительных примеров того, что в капиталистической модели экономики, тираж – это в большей степени экономическая и рекламная составляющая, нежели реальная оценка творчества конкретного автора или оценка уровня издания в целом. Однако существуют люди, которые до сих пор не могут изменить своего стереотипного мышления, поэтому издания с большим тиражом ими выше ценятся. Я же приведу еще один из примеров, который четко свидетельствует о том, что тираж издания для социальных систем – вещь относительная. Так, уже в постсоветский период я издал первый авторский альманах, куда вошли рисунки, стихи и тексты, но этот альманах почему-то долгое время не принимали на реализацию. Когда я лично приехал в город Петрозаводск, чтобы разобраться в отказе приема, я был просто поражен фактами, которые мне открыли работники розничной печатной торговли. Эти факты свидетельствовали о том, что с перестройкой Горбачева, в стране полностью изменилась информационная среда и, как следствие, реальные системы освещения и духовная пища. Например, из всего количества книг самого признанного поэта Карелии, выпущенных количеством тиража в 1000 экземпляров, за год свободной продажи купили всего одну штуку! Притом затраты на издания миллионных тиражей томов Толстого, Пушкина, Чехова и так далее, были огромными, но их перестали брать даром! Зато потребление эротических, оккультных, криминальных, националистических изданий, желтой прессы стало реально востребованным! Тиражи нравственного, истинно научного и справедливого в социальном аспекте материала начали мгновенно падать. Чехова в настоящее время практически не читают и, как следствие, тиражи его переизданий мизерные. Многих великих классиков вообще не переиздают. Если автора заботит тираж издания, в котором он публикуется, а не словесная среда, куда он мог бы войти, такому человеку я по-

Конкретный вопрос - конкретный ответ

советовал бы публиковаться в бесплатных рекламных изданиях, в желтой прессе, т.е. в тех, которые выходят огромными тиражами. Нам же следует исходить из нюансов, чтобы наш автор и читатель мог понимать три вещи. Это то, что наша духовная пища совершенна иного свойства и иного потребления, что наши издания – это, прежде всего симбиоз электронного СМИ, но при котором автору гарантирован печатный эксклюзивный экземпляр! При таком подходе и таких реалиях, увеличение тиража абсолютно не имеет значения!

- Вы заявляли неоднократно, что ваша цель – создание крепкой медийной группы для объединения русского культурного пространства, включая русских за границей. Каким образом это возможно при объявленном микроскопическом тираже в 250 экз.? Такого тиража недостаточно для районного центра.

- Вопрос о тираже следует рассматривать только в реальной объективности духовных правил, которые соотносятся с реальной духовной архитектурой общества или некоего человека, или СМИ, несущего в себе свет просвещения. Автор вправе выбирать: к чему и с чем быть ему причастным, а не брать в критерии оценок печатный тираж или количество почитателей. Если человек не будет делать доброе для малого благого дела, а только показывать, мол, вот он какими великими делами занимается, но притом осуждая малое добротное, то он в своих суждениях невежественен. Притом даже в простых информационных критериях, по которым и следует порой объективно и точно судить. Например, из-за количества, такой автор может осуждать качественное и предавать добротное в чем или ком либо ради плохого, но зато большего количественного соотношения! Я не делаю заявлений на пустом месте, все, что заявляю - это давно является реальностью, достаточно посмотреть на наши издания. Если человек не слепой, он заметит, что под этими изданиями уже давно объединены многие русскоязычные сообщества, в частности по культуре русского языка!

- Проект некоммерческий, в газетах нет рекламы, (и не было с 2009г) и ты выглядишь не заинтересованным в коммерческом доходе от проекта. Авторы газеты не платят за публикации, пожертвования весьма незначительны (из США было единственное, незначительное пожертвование). Значит, у тебя есть источник финансирования, спонсор? Это коммерсант или государственная организация?

- Хочу от всего чистого сердца, поблагодарить Марину Бродскую, которая без всех этих вопросов, не зная лично меня, но вот таким образом поддержала наш проект. Это произошло в сложной финансовой ситуации, и я очень благодарен Марине. Конечно же, не всех устраивают мои объяснения, что на этот проект я трачу средства из личного бюджета. Но я ведь не осуждаю тех, кто тратит их на вино и сигареты, на путешествия, на содержание автотранспорта, и так далее.

Хотя подоплека к этому имеет место быть из давнего прошлого, которое относится к разработанной программе ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭКСПОЗИЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РАЗЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ В КАЧЕСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ! Эта программа была признана Нору –Хау, о ней писали много, в том числе и в газете «Экономика и жизнь», она была зарегистрирована и в Министерстве Юстиции Республики Карелия. Программа была внесена в государственный реестр Российской Федерации, проверялась множество раз, притом самыми высшими экспертами и была признана очень эффективной. Только когда мы начали её реализовывать в рекламной сфере, оказалось, что в современной России никакая нормальная интеллектуальная деятельность вовсе и не нужна, а со справедливостью и истинным просвещением ведется борьба. Если же от некоей программы получают финансовые доходы, то её могут оклеветать, саботировать, а потом спокойно украсть и она будет под неким иным образчиком приносить какому либо частному лицу уже доход! То есть в современной России никого уже не интересует добропорядочность, только ДОХОД. Наша программа настолько интересна и многогранна, и по затратам не столько значительная,

но может приносить большую пользу и доход, законность в обществе!

В частности, как можно работать реально с различными пространственными субъектами и величинами? Так, обладая определенными знаниями и спецификой о реальной информационной среде, можно, например, перевернуть всю информационную пространственную структуру или сжать её. Как это и сделано в нашем проекте, когда провинциальная малотиражная газета по реальной информационной сущности предстает именно международным изданием, чем не могут даже похвастаться многие международные журналы и другие СМИ, только обозначающие себя международными! Ведь для этого надо, чтобы заинтересованность в этом СМИ прежде всего была за границей, потом интерес был - столичный, республиканский, а в конце уже интерес провинциальный. То есть информацию, притом в соотношении с субъектами, можно формировать по различным критериям и реально с этим работать. В нашем случае с изданиями «ПИ1» и «И» можно свободно заниматься, но только в убыток себе, т.к. это мало кого заинтересует. Хотя, если приоткрыть завесу тайны над реализацией нашего проекта, то информационное пространство в нем просто перевернуто и сжато, словно огромное дерево, вмененное в малое семя. Работать с этой программой интересно, т.к. прекрасно можно видеть, при каких обстоятельствах начинаются происходить разрывы в информационных пространственных субъектах. Например, разрывы информационных отношений и даже взаимных пониманий четко проходят по разным культам верований, по социальному статусу и так далее.

Поэтому, если не дают зарабатывать и делать законный и добросовестный порядок в рекламной информационной сфере, где государство могло получать огромные доходы, порядок и контроль, то и приходится применять эти знания и демонстрировать их уже как хобби, но которое в большей части финансируешь ты сам. Хотя, Нина привела один пример помощи из США, это не означает, что нам не помогают из других мест. Самое же главное, у нас начался меняться формат отношений, то есть все же мы начинаем переходить на формат софинансирования, проще - частичной оплаты по издательским затратам. Кто быстрее волеется в процесс софинансирования, тот скорей всего и войдет в число сформированных изданий медийной группы «Интеллигент».

- Почтовая рассылка газеты соответствует числу авторов текущего номера. Например, при презентации в Нью-Йорке у меня не было ни одного лишнего экземпляра, чтобы просто показать публике, не говоря о том, чтобы раздать.

Каков реальный тираж газеты? Соответствует ли он числу авторов конкретного номера?

- Среднее число авторов в номере от 60 до 80 человек, но с созданием уже медийной группы, конечно авторов станет больше, но это пока не вызывает никакой паники по нехватке авторам их экземпляров. Так как главным условием нашего электронного СМИ все же является печатный авторский эксклюзив, потому-то, наверное, мы и не зря получаем восторженные отзывы со всего земного шара о качестве отпечатанных экземпляров! Еще раз повторюсь, что в этом случае следует дорожить нашими эксклюзивными, авторскими экземплярами! При этом из-за возникновения трех уже изданий, общий тираж увеличен уже в три раза, хотя объем изданий чуть уменьшен, т.е. тут тоже ведется определенная работа. Конечно, никто в типографии не станет печатать больше того тиража, за который производится оплата.

- Вы - заслуженный специалист по информации, так у Вас Сергей есть три международных сертификата Академии Естественных Наук России, Института Интеллектуальной Собственности Р. Ф., Российского Общества Оценщиков. Является ли сбор информации целью Вашего проекта?

- Естественно за время проекта в наш адрес из разных уголков земного шара поступают не только авторские материалы, но и огромное число обзорных материалов, критики, аналитических работ и много очень разной информации. Однако, если раньше критика,

обзорные и прочие материалы были доступны только учредителям, то потом к ним стали допускаться и члены редакционного совета. А далее и представители, притом это частично стали выкладывать на сайте для общественного доступа, а теперь качественные или интересные обзорные материалы можно не только прочитать на сайте «Моссалита», но и откликнуться на них на форуме этого сайта. Наши издания чисто литературные, пусть и с разными оттенками политики, верований, социального статуса и так далее, но они все же лишены главных критериев современной информационной тотальной структуры, потому они представляют интерес только для знания литературных стилей и направлений, а так же духовного составляющего фактора. Проще, для государственных структур они могут представлять только интерес словесной духовной русской культуры, а т.к. этим современное российское общество не интересуется, то скорей всего при реальном возникновении интереса к словесной русской культуре и желания понимать духовную словесность, наши издания будут просто СОКРОВИЩНИЦЕЙ!

- Вы добавляете города: Санкт-Петербург, Москва, и т.д., но не увеличиваете циркуляцию, тираж остается микроскопическим, то есть реальный охват читающего населения вас не интересует. Почему?

- Действительно, прежде всего, лично меня как учредителя, в этом проекте интересуют современные писатели, т.к. с читателями я хорошо знаком. (Смеется). Прежде всего, в этом проекте заинтересованы лица, пишущие на русском языке. У нашего проекта очень прекрасная циркуляция, дай Бог другим изданиям иметь такую же. Хотя, сама, так сказать «изюминка» нашего проекта будет понята, но только уже другим поколением людей.

- Предполагаете ли вы сделать газету доступной для народа, чтобы каждый желающий мог ее купить в ближайшем киоске?

- Действительно, к нашим изданиям пока гарантируется через свободный электронный доступ на различных электронных версиях, размещенных на разных сайтах. Сами авторы могут поделиться электронной версией номера, в котором он опубликован. Совсем не давно, официально объявлено, что электронные СМИ, превосходили печатные, я лично думаю, что мы прекрасно себя чувствуем именно в таком электронном и в тоже время в эксклюзивном, авторском, печатном варианте и в четкой избирательной модели.

- Почему «Интеллигент» США издается в ООО РИЦ «Вайнола»?

- В век интернета, нет особой разницы, где печатают некое издание. Если посмотреть на многие современные печатные издания, то они многие издаются не в тех местах, где проживают заказчики этих изданий, а издаются где дешевле, где потом будут распространяться, откуда их легче проконтролировать. В нашем случае, издание «Интеллигент» США, это возможно только начальная стадия того, когда в самих Соединенных Штатах Америки созреют до того, чтобы взять это печатное издание к себе уже полностью, естественно, и понести все бремя расходов. Возможно, что совершенно иные лица захотят приобрести это издание или права на его издание, но они будут не из США или не из той группы, которая инициировала начало издания «Интеллигент» США. Кто знает, проживем - увидим.

- Каким образом авторы и читатели региональных изданий узнают о том, что опубликовано в издании другого «Интеллигента»?

Прежде всего, им следует зайти на наш официальный сайт и посмотреть, скачать новый номер. Если сайт «Моссалита» согласится размещать все три издания, то их там можно будет прекрасно просматривать.

В заключение:

Итак, господа авторы и читатели, Сергей Пашков прояснил многие волновавшие вас вопросы. Теперь окончательно ясно, что проект «Провинциальный интеллигент» прежде всего проект виртуальный, он направлен на создание электронного медийного пространства, объединяющего людей русской культуры на всех континентах. При этом, в отличие от других виртуальных проектов, авторы опубликованных материалов получают «твердую копию» издания, что делает проект уникальным. Проект, несомненно, интересный и для своего развития нуждается в вашей помощи, в том числе и финансовой. Мы ждем ваших отзывов и комментариев.

Интервью у Сергея Паškова по просьбе авторов из Нью-Йорка взяла Нина БОЛЫШАКОВА.

ИНТЕРВЬЮ С ВЕРОЙ ЗУБАРЕВОЙ

Вера Зубарева

Поэт, писатель, литературовед. Лауреат литературной премии им. Паустовского и других международных премий. Автор многочисленных книг. Первый сборник вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной. Родилась в Одессе. Защитила докторскую по русской литературе в Пенсильванском университете, где сегодня преподаёт. Президент общества ОРЛИТА. Главный редактор сетевого журнала Гостиная. <http://gostinaya.net/> <http://orlita.org/>

НАТАЛЬЯ ЛАЙДИНЕН. - Расскажите, пожалуйста, о творческом объединении ОРЛИТА. Кто его члены, каковы цели создания организации?

ВЕРА ЗУБАРЕВА. ОРЛИТА – Объединения русских литераторов Америки - была организована в октябре 2010 года группой из четырёх человек. Вице-президенты – Лиана Алавердова и Елена Литинская – поэтессы и писательницы, хорошо известные в литературных кругах Америки и за её пределами благодаря многочисленным публикациям и активной деятельности по поддержанию русской литературы за рубежом. Я – президент объединения. Вадим Зубарев – наш незаменимый вэб мастер. Он также входит в наш литсовет. Основной целью ОРЛИТы является хранение базы данных наиболее профессионально работающих русскоязычных писателей Америки, публикации их в «Бюллетене» и «Гостиной», организация выступлений и развитие связей с зарубежными коллегами. Мы выпускаем «Бюллетень» по современному лит. процессу, где публикуем эссе, рецензии, интервью, полемику и лит. новости наших коллег со всего мира. В число наших членов входят такие известные литераторы, как Инна Богачинская, Борис Кушнер, Савелий Сендерович, Михаил Эпштейн и др. Кроме того, у нас есть лит. побратимы из других стран, с которыми мы сотрудничаем и обмениваемся лит. новостями. Есть представитель ОРЛИТы в других странах. Вы являетесь нашим представителем в России. В планах ОРЛИТы – проведение выступлений членов и побратимов, устройство конкурсов, публикации сборников, оповещение о выходе в свет их книг и журналов и публикация рецензий на их творчество. Нашей литературной

* * *

Ночь в безмолвном предместье,
как кома.

Чуть ворочает лес языком.
В мертвой части запавшего дома,
Будто это не я за окном.
Бродит в кране сознание, решая
Бытия надоевший вопрос.
Три недели, как после лишая
У луны не осталось волос.
Кто-то хочет пробиться снаружи,
Из Вселенной – в утопленность клумб.
Но дома, точно старые ружья,
В звезды целятся дулами труб.
Кто стремился быть в роли посланца –
Покружил между звезд и – иссяк.
Никому в эту жизнь не пробраться
Ни по небу, ни мыслью, никак.

* * *

Мне снится возвращение домой:
Потемки, перепутанные вещи,
И по музею паутин и трещин
Разгуливает лунный свет хромой.

Я – в комнате. Я вновь ее жилец,
Безвременно и заживо уснувший.
И образов отравленные пунши -
Как множество сатурновых колец,
Которые вот-вот его задушат.

ареной является Бруклинский Клуб поэзии под руководством Елены Литинской. Двери клуба открыты и для наших зарубежных коллег.

Н.Л. -Русскоязычные авторы в США пишут друг для друга или они услышаны и в России?

- В.З. Благодаря сетевым изданиям расширились возможности ознакомления российских читателей с авторами США. В частности, сетевой журнал «Гостиная», в котором я являюсь главным редактором, способствует ознакомлению с авторами из США. Мы также публикуем авторов из России, Украины, Германии, Израиля, Англии и других стран. Журнал тематический, он выходит раз в месяц, и отбор авторов довольно строгий.

Н.Л. - Вы много делаете для развития литературного процесса между США и Россией. Как все начиналось? И как движется сейчас?

В.З. - Всё начиналось, когда я была ещё аспиранткой на кафедре славянских языков Пенсильванского университета. Вместе с известным московским профессором экономики Ароном Каценелинбойгеном (1927-2005), который преподавал в крупнейшей школе бизнеса Уортоне мы замыслили совместный выпуск «Гостиной». Первоначально «Гостиная» была печатным журналом. Она объединила вокруг себя интересных авторов. Мы устраивали литературные чтения, разъезжали с выступлениями по Восточному побережью и выступали на славистских конференциях. Сейчас всё это развилось. Переход на рельсы Интернета позволил нам расширить круг читателей и писателей, а это, в свою очередь, влило новый приток талантов, идей и совместных проектов. ОРЛИТА и «Гостиная» существуют как один из источников знакомства с лит. процессом в русскоязычной среде писателей США.

Н.Л. - Трудно ли преподавать Чехова студентам Пенсильванского университета?

В.З. - Трудно и интересно. Студентов всегда интересуют новые идеи, и поскольку я по-новому осмыслила чеховский стиль, связав его со стилем шахматной игры, который появился в то же время, что и чеховский «статичный», «незанимательный» стиль, это вызвало живой интерес у студентов. На мои семинары трудно попасть из-за ограниченности мест и большого числа желающих в них участвовать.

Н.Л. - Вас «благословила» на литературный путь Белла Ахмадулина. Какие остались воспоминания о встречах с ней?

В.З. - Она была добрейшим и чистейшим человеком. Не боюсь превосходной степени в данном случае, ибо она отражает существо дела. Белла Ахмадулина явилась моей крёстной матерью в поэзии, написав предисловие к моему первому сборнику стихотворений «Аура». Сделала она это без моей просьбы, а потом – ничего не сообщив мне – сама отнесла мои «Стихи о волке» в журнал «Смена», который назвал меня поэтом года. Это всё говорит о ней красноречивей, чем любые похвалы, которых она, кстати сказать, не терпела, считая любое славословие «постыдным».

Предметы детства смотрят из чернот
Немого фильма, чей отснятый ролик
Открыл мне новый дубль и эпизод,
Как будто прошлое сменило облик.

Какие разветвления судеб
Я отыщу в раскопках прежних комнат?
Чей одинокий медленный ущерб
Всплывет как ностальгирующий опыт?

Куда вернуться? В какое из пространств,
Неведомых, непознанных, но бывших?
Кто в том окне плутал, где свет погас?
Кто ночью дождь выстукивал
на крышах?

И снова тени памятных страниц
На многомирье расщепляют время,
И нелинейный странник –
мысль-Улисс –
Судьбы-мигрантки множит направленья.

* * *

Галине Безикович

Лунный свет бродил по берегу,
Гребни тёплых волн очерчивал.
По угёсу крутоверхому
Рисовал прибой подсвеченный.

Спали дети в дальних странствиях.
Покрывалось небо звёздами.
И в его безбрежном царствии
Только боги были взрослыми.
То и снится, что аукнется
В памяти, где мы – вчерашние.
Где уводит к морю улица
Чуть запавшей чёрной клавишей.
Там сидим на побережье мы,
Временем не опечалены,
И следы детей по-прежнему
Скачут буквами печатными.

* * *

Ныряет ночь в узорах и изломах
Под тяжесть разодетых насекомых.
Панбархатом обшитое крыло
Дородной бабочки
Даёт внезапно промах
И возмущённо бьётся о стекло.
Феерия бесщётных светляков,
Что мчатся на огни особняков
И разлетаются на мелкие осколки,
И сыплются на травы и на ёлки.
Достигнуты заветные места.
Но как же и кому досталась та,
Другая жизнь,
В нехитром до-мажоре
Проигранная запросто, с листа?..
Опасный аромат любви и скорби
Разлит по дому,
И жуки-гиганты
Штурмуют окна замкнутой веранды –
Запаянной, с их точки зрения, колбы,
Откуда ты, должно быть, приходишь –
Второй судьбы искусственный зародыш.

СОН

Мой дом стоял на обрыве,
Свет моросил, как дождь.
Кто-то задул моё имя:
«Ты больше здесь не живёшь».
Захлопала крыльями птица.
Ударил о ствол дровосек.
Вздрогнула дверь на петлицах.
Растаял полдень, как снег.
Упало время в колодец.
Встал день на распутье дорог.
Солнца калёный отгиск
До сумерек небо прожёл.
Ты протянул мне руку,
Увидев сон наяву.
Но ветер шепнул на ухо:
«Я больше здесь не живу».

* * *

Вечер в гавани. Тихо курлычет маяк.
На якоре прошлого спит настоящее.
Песок под ладонью –
Словно ворох старых бумаг
Из отцовского ящика.
Мысль в воронку затянута.
То ли ко дну,
То ли к берегу вынесут
Шторма подсознания.
Я под них никогда не усну,
Всё глубже в песках увязая.
Тихий голос отцовский...
Всю ночь шелестят-говорят
Эти строки зыбучие –
слушай и слушай.
В этом мире прибрежном
Неизменны только моря.
К ним причалишь после скитаний
по суше...

* * *

Теплеет. У светил
За срывом срыв. Никак
Не может им помочь
Виновник бытия.
Испепеляет тьму
Взорвавшийся зигзаг.
«Жизнь звезд так коротка!»
Я думаю, грустя.

Пока я длю свой день
И медленно живу,
Прослеживая связь
Мгновений и эпох,
Они летят, летят,
Как будто бы главу
Листает за главой
Нетерпеливый Бог.

И достаёт лишь сил,
Чтоб крикнуть: «Не спеши!»
О, краткий путь светил,
О, долгий путь души...

В ДОЖДЬ

В дождь сильнее привязанность к дому,
Дольше улицы выются к теплу,
Придается значение подъему
И разрытой трубе на углу.
В дождь все земли приходят к единству
По слезе, по струе, по реке –
По земному размазавшись диску –
И молчат на одном языке.
Как с педали не снятая нога,
Резонируют капли в окно.
В дождь всегда вспоминается что-то,
Что, казалось, просохло давно.

УТРО

Голос голубя утренний гулок,
Будто кто-то грустит изнутри –
После ночи очнувшийся узник,
Что чувствителен к свету зари.
Никаких больше звуков на свете,
Только этот прерывистый звук.
Позолота на стертом паркете
В том углу, где хранится паук.
Тихо солнце играет в роскошь,
Стонет голубь, чуть выставив бок.
И проникнуться связью их сможешь,
Если ты в этот миг одинок.

* * *

Я люблю с утра молчанье комнат
И следы того, кто в них гостил.
День на горизонте перевернут
В беспорядке брошенных светил.
Бегство солнца от ночных свиданий
После полдня вовсе кувырком.
Я люблю с утра молчанье спальни
И игру лучей под потолком.
Отголоски выживших эмоций,
И догадки в полузабытьи,
Что сошлись, наверно, гость и солнце
В точке ночи, там, в конце пути.

* * *

Из внутренних глубин взойти,
в который раз,
Чтоб посмотреть, как отцветает лето,
Как времени сгорающий запас
Готовит к взлёту сердцевину ветра,
Как жизнь идет,
чтоб кончиться впотьмах
И за окном оставить скрип скамейки,
Как вечности блуждающий размах
Споткнётся на случайном человеке.
Летит звезда в пробойну тепла,
Оттуда сумерки нещадно хлещут.
Ночных жуков горящая зола
Палит траву, срисованную с трещин.
Приливы ночи сносят небосвод,
Сооруженный всеу смертным богом.
И высота приветствует полёт,
И глубина болит его итогом.

Евгений Голубенко

Поэт, преподаватель, автор трёх поэтических сборников. Член редколлегии сетевого журнала «Гостиная». Родился в Одессе, где ныне и проживает.

РАСПЛАТИВШИСЬ ЧЕРВЛЁНОЙ ДАНЬЮ

Расплатившись червлёной данью,
Леденел оголённый сад,
Устремляя сухие длани
К наклонившимся небесам.

И месиля, зверея, выюга
Неподатливый снежный ком.
Тот, в котором деревья цугом
Шли в кипящее молоко.

Обречённо, с надломом, с хрустом
От побегов и до корней
Сад входил в ледяное русло,
Чтобы вынырнуть в феврале.

И, страданья упрятав в сучья,
Испросив у небес весны,
Птичьим трелям он стал созвучен
И по - юному стал красив.

В ОСЬМОМ ЧАСУ

В осьмом часу, паря с верхов,
Воздушно, кротко, паутинно
На фоне дальнего кармина
Ночь опускается до мхов.

И, чтобы сумрак остывал,
Вовнутрь, в пространство меж заборов
Ковш смолянистого раствора
Неспешно месяц подливал.

И в этом чёрном янтаре,
В прозрачных, как витрина, нишах
Прощупывались взглядом крыши
Домов и складки на коре...

ПОДСЛУШАННОЕ

Разбирая каракулей бред,
Что оставила чаячья стая,
Море птичий бесхитростный след
По слогам шепеляво читает.

И, просеяв сквозь волны песок,
Одичавших в бездействии пляжей,
Море ищет отточенный слог,
Что проймёт, осенит, взбудоражит.

Не беда, что зелёный прибой
Обновит интонацию к маю,
Всё равно за губастой волной,
Будто школьник, слова повторяю.

Людмила Шарга

Поэт, прозаик (Южнорусский Союз писателей) Родилась в России, но уже много лет живёт в Одессе. Автор публикаций в периодических изданиях и интернет-изданиях России и Украины. Автор двух сборников поэзии и прозы: «Адамово Ребро» (Одесса 2006г.) и «На проталинах памяти» (Одесса 2008г.) Руководитель творческой гостиной Diligans

РУСИНКА

Русинка...
А просится — рУсинка —
девчонка из древних поверий,
вишнёвая косточка-бусинка
в моём родовом ожерелье.

Моя синевзорая прашурка —
глоток родниковой водицы,
легка и проворна — что ящерка —
славяночка-отроковица.
Не часто клонила головушку
и клала земные поклоны,
горчит твоя вольная кровушка
дымком половецких полонов.
Девчонка в рубашечке вышитой,
века меж тобою и мною,
да только по-прежнему слышу я,
как стрелы поют за спиною.
Никто до сих пор не ответил мне,
то явь или сон мой из детства?
То сердце болит иль отметина
калёной стрелы половецкой.

РЯБИНОВАЯ ЮДОЛЬ

Когда в колыбели чёрной
баюкает ночь луну,
душа, вздохнув облегчённо,
уверует в тишину,
И в дом, где траурным крепом
подёрнута зыбь зеркал,
давно забытое лето
вернётся издалека.
И в зеркале отразится
колодец с живой водой...
Дощатые половицы...
Рябиновая юдоль.
... С вязаньем женщина в белом,
как водится — у окна...
И песня, что она пела,
доносится, чуть слышна...
Она ни о чём не спросит
меня,
и я промолчу...
А утром забуду вовсе —
довольно ночных причуд!
«...довлеет дневи...» припомню
и « Господи, даждь нам днесь...»,
но будет теперь легко мне,
(ведь всё преходяще здесь),
устав от возни мышиною,
увидеть, оставив дом,
как снегом припорошило
рябиновую юдоль.

СТАРЫЕ ДОМА

Сыну...

Дом замерзает...
Грей — не грей, —
безрадостны глазницы-окна;
и тополь — старый бриарей
стучится в них рукою мокрой...
Ему, бедняге, невдомёк,
что и у дома есть свой срок.

Как быстро детские шаги
считали лестничные марши,
и яблочные пироги
напоминали: на год старше
ты стал.
А средство от тревог
всё то же — бабушкин пирог.

И печь каминная хранит,
запрятав в изразцовых сотах,
мои безоблачные дни —
твои начальные высоты....
Ты покоришь немало их —
дай Б-г, чтоб основной достиг...

Идёшь легко... глядишь — светло,
и со двора кричишь «пока» мне;
не забывай, бросая камни,
что собирать их тяжело...
а если бросил — не беги —
накроют с головой круги...

И будет падать мокрый снег
в озябшие ладони улиц,
о снах напоминая мне,
о днях далёких,
о весне,
которая с тобой вернулась...
Тепло...
Сиротская зима...
Но мёрзнут старые дома...

Инна Богачинская

Известный поэт и журналист. 32 года живёт в Нью-Йорке. Книга года «Энциклопедии Британики» назвала её одним из наиболее состоявшихся поэтов Русского зарубежья. Инна - автор 5-х книг поэзии и прозы. По её творчеству написаны несколько дипломных работ и целый ряд литературоведческих исследований.

БАЛЛАДА О НЕВПИСЫВАЕМОСТИ

Я не вписываюсь
в заурядную замкнутость групп,
в безапелляционную
хрестоматийность
компаний,

Я не вписываюсь туда,
где элегантно друг другу врут
и обаятельно ямы
друг другу копают.

Заключенно, как в списке,
Отвергаю молву.
Я живу без прописки.
Я крылато живу.

Я не вписываюсь
в имена, этикетки, застолья,
шаблоны и культы.
Меня нет среди вас.

Я притянута зовом высот.
Мне скучны ритуалы,
кликуши, чины,
разговоры о кухне.
Обывательский облик - по мне -
будто пуля в висок.

Принята я соснами,
Бездностью небес.
Вся, как есть, осознана,
С шишками и без.

Я не вписываюсь
в подпевалы,
инвестменты, правила,
в макси и мини.

Только Космос в ответе
за то, что меня приручил.
Существую я с вами в одном,
но раздвоенном мире,
Где обычно пеняют на следствие,
но не находят причин.

Я, как кошка Киплинга,
Сама по себе.
Пробегаю гибельно
По своей судьбе.

Учащенное дыхание жизни
пульсирует в строчках.
Рифмы моих стихов ускользающи.
Ритмы - тахикардичны.
Они будоражат дух.
Раздражают блаженность.
Разрушают привычки.

Но это —
не болезненная одышка.
Просто —
я не вписываюсь
в статичность.

Ночь трагедией пропитана,
Как дождем земля.
Никуда - увы! — не вписываюсь.
Не вписываюсь я.

Может быть, я — мишень,
Но во мне — Паганини
со вспоротым нервом,
Оглушенный Бетховен,
петля на цветаевском горле,
разъятые мифы Дали.
Я не вписываюсь в торгашей,
в поучителей, снобов,
придворных,
Но прописана в каждом,
в ком празднество
Духа царит.

Доскажу свои истории
И шутя уйду
По дороге непроторенной
На свою звезду...

ПРЕДЗАКАТНЫЕ МОТИВЫ

Закат блудил маниакально,
Одежды ночи растрепав,
То подставлял себя под скальпель
Луны - заложницы серпа.

То не томясь и не смущаясь,
Запахивал глазницы дня,
То проносился обещаньем
Любви, полцарства и коня.

Его мишенью становились:
Искатель истины Платон
И драматурги водевилей,
И королевы шапито.

Был он монархом и монахом,
Прельстившимся чужим плодом.
Бывал и мыслящим инако,
И оправдавшимся потом.

Он утвердил свои уставы,
Хоть несогласных - большинство,
И всех поверить в то заставил,
Что мир немислим без него.

Борис Кушнер
(Pittsburgh)

OBITER DICTUM

Ты шепнула
мимоходом, —
Я едва успел вздохнуть... —
«Жду Тебя
за Дальним Бродом,
Там, где тонок
Млечный Путь»...

Шереметьево гудело
В круглосуточном
бреду... —
Ты едва шепнуть
успела —
«Я за Дальним Бродом
жду»...

Солнце —
каплею опала,
А над ним —
аэроплан... —
Ты исчезла,
Ты пропала
В черноте зазвёздных стран...
Но с тех пор
я спать не в силах, —
Жду, когда
придёт черёд
Где-то в звёздных
Фермопилах
Пересечь Твой
Дальний Брод...

* * *

В одном окне Луна ушла,
В другом восстало Солнце —
Взлетает, падает Душа
И парусом несётся
В тот океан, что из окон,
В бездонной сини пенье,
Где царствует один Закон —
Любви и тяготенья.

* * *

Отправленья на экране,
Шляпы, зонтики, плащи... —
В стационарном ресторане
Шницель, суточные ши...
Скатерть в старых винных пятнах,
Заскорузлый хлеб ржаной, —
Разговор не из приятных
У соседей за спиной.
Время жалкому досугу,
Время следствиям причин —
Мы глядим в глаза друг другу
И молчим, молчим, молчим.
И ещё с Тобою весь я,
Но, как это повелось,
Грянет голос с поднебесья, —
И дороги наши — врозь.

ОРЛИТА – Объединение Русских ЛИТераторов Америки

Елена Дубровина

Родилась в Ленинграде. В Америку приехала в 1979 году. В настоящее время живет в Филадельфии. Издала две книги стихов «Прелюдии к Дождю», «За Чертой Невозвращения» и роман «In Search of Van Dyck». Ее стихи и литературные эссе печатались в различных русскоязычных периодических изданиях, таких как «Новый Журнал», «Континент», «Грани», «Встречи», «Новое Русское Слово» и т.д. В течение десяти лет была в редакционной коллегии поэтического журнала «Встречи».

* * *

Звонят колокола. Звонят.
Собор Никольский.
Орган. Иконопись и витражи.
Плывут, плывут из детства миражи
По льду Невы, прозрачной
ленте скользкой.

Спешат назад, где детство во дворе
Играет в куклы с дворничихой Катей,
И первый снег в венчальном,
белом платье

Оставит след в моем календаре.
Витая роспись золотых икон,
А нищий дьякон просит подаянья.
И звон колоколов, как звон отчаянья,
Напомнит вдруг кому-то о былом...

* * *

*Мы вернемся, если будем живы,
Если к дому приведет Господь.*
Иван Елагин

По комнате мечутся снежные блики.
В извилинах складок затеряны рифмы.
И памяти странноскользкие лики
Звучат музыкальнозамедленным
ритмом.

Сон раненой птицей
повис над вселенной.
Глаза, словно звезды,
их взгляд неподвижен.
Две тени скрестились на белой постели.
Их шепот и шорох чуть
в сумерках слышен.

Как мрачен дороги изогнутый стержень,
Едва освещенный безлунною ночью.
Но контур на стенке.
И холодно сдержан
В морозных тонах чей-то
профиль нечеткий.

И я возвращаюсь. По памяти скользкой,
По тонкому льду зазеркального детства
Спешу к незнакомому городу в гости.
Но память упрямо застыла на месте.

Как сморщилось утро, совсем постарело.
Осунулись улицы, лица прохожих.
И города сонное легкое тело
На пропасти черное тело похоже.

А в сумерках тает янтарная лунность.
Как в кадре из фильма,
бледнеют виденья.
Гуляет по Невскому старая юность
Обняв голубое свое привиденье.

Прощаюсь навечно. И грустно, и горько.
Пора просыпаться, но тынет обратно,
Где память и юность,
и детства осколки...
Все это куда-то ушло безвозвратно...

* * *

Напрасно плачет скрипкою метель
В том городе, где я не родилась.
И замедляет снег и час, и день —
Метет пургой в чернеющую пасть
Не память, нет, а колебание, вздор,
Обрывочных речей водоворот,
И Летний сад, и в куполах собор,
И улиц старых резкий поворот.
Мне все приснилось рано по утру:
Свет фонаря, на набережной снег.
А я одна по городу бреду,
И на снегу мой одинокий след.
А над рекою тот бессмертный миг,
Луча скольжение вдоль по полотну,
И черного монаха резкий крик
Ночную разорвавший тишину.

Воспоминанье. Детство. Юность. Дом.
Окно косое на глухой пустырь.
Здесь я жила. Вот лестничный проем.
Мой дом, как Соловецкий монастырь.
Иллюзии, загадочный мираж.
Скользит зима из сна в живую плоть.
А я взбираюсь на шестой этаж
Из завтрашнего дня

в сегодняшнюю ночь...
Из коридора вьется дым сигар.
Воркуют две старушки у плиты.
На кухне закипает самовар.
А дядю Ваню ночью увели
В тужурке старой на косой покрой.
Я вижу его мятое лицо,
Когда вели из дома под конвой,
И кто-то бросил розу на крыльцо.
Погас фонарь. Закончилось кино...
На черно-белом желтая луна...
Так было с нами, но давным-давно,
Когда зима по городу мела...

* * *

Ты разложила пасьянс.
Но карты врут. Они пророчут,
Что оборвется голос ночью
И кончится земной романс.
И странный мальчик из коры
Сплетет тугую паутину,
Как будто раму для картины
В другие темные миры.
Мурлычет ночь. Бездомный кот
Один — он никому не нужен.
Плывет легко по звездным лужам
Зимы последней ледоход.
Вкус ветра на губах, как мед,
Пчелиный яд в глубоких сотах.
Ты ожидаешь с неохотой,
Когда зима в тебе умрет.
Ты ждешь весны. Она и лето
Опять играют в проферанс.
Свет фонарей давно погас.
По мостовой стучит карета
И космонавт летит на Марс.
Он в путь опять собрался долгий.
А ты считаешь дни и годы,
Танцуя вальс, последний вальс.

Михаил Воловик

Специальность: нейрофизиолог. Основные публикации: альманах «Современники» (Нижний Новгород, 1988), Антология русского верлибра (М, 1990), альманах «Траектория» (автор-составитель, Нижний Новгород, 1996), «Золотой век», N 12, «Педагогическое обозрение», 1998, Арион, 2002 и др

* * *

Смерть началась. Теперь они вдвоем
пойдут по свету
в ту сторону, куда мы все несем
себя к ответу.

Казалось, будет страшно, но когда
оно случилось,
жизнь просто отвернулась, - как вода
остановилась.

В запруде, в этом круге без чудес,
как две подруги,
две тени, жизнь и смерть, сейчас и здесь
сомкнули руки,

и первая прильнула ко второй
и, слившись с нею,
прозрачнела и делалась водой,
живой живее.

Нейрохирург

Он мог бы долгий список прошептать
и целый полк припомнить пофамильно,
кого уже не должен он спасать,
к чьим именам и тропки заросли,
и память о делах их не обильна:
одна трава их мозга из земли.

Из их глиом, сарком, менингиом
сквозь дыры, что проделал он трепаном,
растет забвенья серый легион...
Еще стакан, чтоб самому забыть,
последнему из хамов-интриганов,
судьбы их перерезавшему нить.

Дерзнув вмешаться, он употребил
свое умение на сражение с чем-то
немыслимым, что выше наших сил.
И проиграл, но выпил и опять
дерзнул, вновь неудачно, и патента
не защитил на то, чтоб побеждать.

Всех — проиграл. Из их надежд соткал
себе невроз и белую горячку.
В его мозгу, как опухоль, стакан
растет и вытесняет вещество,
которым в списке ищет он горячку,
едва с собой не взявшую его.

* * *

Еще неплохо все, что делает погоду
и дорого душе:
здоровье близких, сон,
досуг после работы,
замки на гараже.

Нам то и хорошо, что не напоминает
о бренности своей,
публично правит бал,
но скрытно угасает,
как тень среди теней.

А близится закат. Ненужные длинноты
фальшивят звукоряд,
проплешины едят лазурь и позолоту, —
то авангард утрат.

Бросать курить, худеть, тревожить
призрак детства —
ничто теперь не впрок.
Неси свой крест, смирись и раздели
наследство,
чтоб не ушло в песок.

Еще неплохо все,
но нам с тобой понятно:
по правилам игры
мы движемся туда, откуда нет обратно.
На свет — из мглы.

Михаил Юдовский

Поэт и художник. Проживает в Германии. Родился в 1966 году в Киеве. Учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. Автор двух поэтических сборников. Бронзовый лауреат поэтического турнира «Пушкин в Британии».

* * *

Мне помнится дивно бессмысленный город,
Пригревший меня на груди,
Где падало небо, и прямо за ворот
Текли проливные дожди.
Здесь каждый другому был снами навеян,
Запутавшись в ложных узлах.
И время, кружась каруселью кофеен,
Мелькало в кривых зеркалах,
Качалось в угаре и пьяном размахе,
Сжималось в стальной иглу.
И женщины, жадные, как росوماхи,
Глотали коньяк на углу.
Под пятнами туши синели прожилки,
Неон разливался, слепя.
Они предлагали хлебнуть из бутылки
И следом за этим — себя.
Но месяц лохматый с укором почтенным
Скрывался в свою конуру,
И ночь, захмелев, оседала по стенам
Домов, просветлевших к утру.
И в утренней дымке, неясной и зыбкой,
Я пьяный лежал у реки.
И маленький ангел с недетской улыбкой
Кормил меня хлебом с руки.

Полковник

В субботний вечер в маленьком кафе
На невысокой деревянной лавке
Полковник артиллерии в отставке
Глотал коньяк, в кармане галифе
Раскрыв украдкой тощий кошелек
И мрачно пересчитывая деньги.
Он созерцал бетонные ступеньки,
Немытый пол и скучный потолок,
Испытывая приступы тоски,
Дробящие сознание, как свёрла.
Недорогой коньяк царапал горло
И стягивал удавкой виски.

Существование — повод для вражды.
По крайней мере, повод для запоя.
Наедине с фужером и с собою,
Он в прочих собеседниках нужды
Не чувствовал. Полковник, отчего
Ты сделался чужим и бесполезным,
И вещество объятием железным
Закупорило в панцирь существо?
Полковник, ты скучаешь по войне?
Вдали от смерти жизнь неполнокровна.
Деревья, превратившиеся в брёвна,
Становятся бессмысленны вдвойне.
Не поменять ли в сердце часовых?
Не время ли с собою объясниться?
Как долго наваждением будут сниться
Живые, хоронящие живых?
Полковник, ты тоскуешь по полям,
Где прорастают сквозь тела колосья
И раздается птиц многоголосье
С молитвой поминальной пополам?
Ты не вернулся ни с одной войны.
Пожертвовавший кровью вместе с потом,
Полковник, ты остался патриотом
Давно не существующей страны.
Не те места и времена не те,
И люди на бессмыслицу похожи.
Но если сердце пусто, отчего же
Такая тяжесть в этой пустоте?
По совести скажи: зачем в дыму
Сражений сохранил тебя Всевышний?
Не ты один на этом свете лишний —
Мы все на этом свете ни к чему.
Полковник, пей коньяк. Молчи. Скучай.
И спорь с самим собой, не зная твердо,
Что будет лучше — дать бармену в морду
Или оставить что-нибудь на чай.

Тесей

Я сегодня без сил.
Повяжи мне на голову бинт
Или просто сними эту тяжесть
горчащего лавра.
Мое сердце, увы,
превратилось в глухой лабиринт,
Где невидимо бродит зловещая тень
минотавра.

Я всегда, сколько помню,
мечтал дотянуться до звезд,
Чтоб однажды понять:
сколь ни бейся и как ни затействуй,
До героизма дорога не меньше,
чем в тысячу верст.
Но не более шага ведет
от героизма к злодейству.

Достигая вершины,
невольнo рискуешь упасть,
Потянувшись рукою,
забыв обо всем, к небосводу.
Я убил бы в себе
эту дикую темную страсть.
Но боюсь, что с рычанием
вырвется зверь на свободу.

Может, этого ждет от меня
безымянный народ,
Этот девственный лес,
научившийся чтить лесорубов?
Ибо царь не идет на попятный,
а только вперед,
Проложив себе путь из рабов,
славословов и трупов.

Что ж, не будем сомненьем
рассудок насилловать зря.
Да разгладится лоб,
да пребудут ладони шершавы,
Если искренне верит народ,
что величье царя
Измеряется твердостью хватки
на горле державы.

Город будто застыл.
Над стрехами летит суховей.
Небосвод раскален.
Задыхается сердце от зноя.
Ариадна, прости.
Я запутался в нити твоей.
Минотавр не убит.
Он очнулся и сделался мною.

КОЛЕЧКО

В одну из квартир принадлежащего Илюше доходного дома вселились две русские девушки.

- Студентки, - решил он, когда те пришли по объявлению об аренде жилья. Обе барышни неплохо владели английским, но, тем не менее, заметно обрадовались обстоятельству, что человек, с которым им довелось столкнуться, оказался их соотечественником. Илюша же, почти отчаявшийся сдать пустующую третий месяц квартиру, пока глядел на тех без особого воодушевления. Все предыдущие встречи с потенциальными жильцами, к сожалению, заканчивались одинаково, чтобы теперь испытывать даже малейшие иллюзии. Люди приходили, смотрели квартиру, вежливо улыбались, обещали непременно вернуться и уже больше никогда не возвращались. С тех пор как в Америке разразился финансовый, а за ним и экономический кризис, жильё сдавалось из рук вон плохо. Илюша и ремонт сделал первостатейный, и цену снизил, однако очередь из желающих заехать к нему в дом отнюдь не стояла. Для некогда успешного бизнеса наступили не самые лучшие времена, и перебирать сейчас квартирантами особо не приходилось. Хотя кого-нибудь заполучить и подписать договор на год.

Девушки выглядели совсем молоденькими: на вид - лет по восемнадцать. Наверняка ровесницы Илюшиной дочери и, по сути дела, ещё совсем дети. Пока девушки прилежно заполняли анкету для найма, Илюша глядел на них не как хозяин дома, а скорее, по-отечески, с трудом представляя чувства родителя, не побоявшегося отпустить своё чадо за океан в другую страну.

- Мы будем платить кеш, - бойко заявили девушки, очевидно предполагая в том несомненное достоинство. Судя по всему, их доверие к личным не имело границ. А может, они наивно полагали, что деньги в их привычном виде «чужих» или «матрасных» проще скрывать от налогов? Хотя, банковского счёта у них, наверное, всё равно не существовало, потому как вместо данных из американского водительского удостоверения девушки записывали в анкету номера и серии русских паспортов.

- Дело ваше, - Илюшу устраивала любая форма расчёта, а как - чек или живыми долларами - его заботило мало. Будущие квартирантки произвели на него самое отрадное впечатление, и их пребывание в доме, похоже, не сулило головной боли.

«...Неужели сдыхался? — несмело подумал Илюша, взглянув мельком на анкету и боясь сплзнуть. Он даже слегка разволновался от хороших предчувствий и вдруг, как раньше, по привычке, принялся расхваливать на все лады свой район: преимущества расположения, безопасность, не сравнимую с бедными кварталами, где обитают уличные банды. Закончил свой краткий экскурс упоминанием о близости популярного торгового центра. О пересечении здесь основных городских хайвеев тоже не забыл упомянуть. Ну, чем не сплошные удобства для жизни в Америке? Красота, да и только! Однако, лишь когда одна из девушек достала из сумочки приготовленные деньги, Илюша окончательно поверил в свершившийся факт. Поверил настолько, чтобы уже с облегчением переключиться на отвлечённые мысли.

«...Надо же, какие самостоятельные, - с уважением отметил он, принимая залог и месячную ренту. Не обошлось, как водится, и без короткого знакомства.

- Валя, - представила хрупкая шатенка. Невысокая, тоненькая — она походила на подростка, а смой с её лица яркий макияж, так и вообще, ребёнок. Лариса, как звали вторую, выглядела взрослее. Тонкий свитер бесстыже обтягивал её крупную налитую грудь, а короткая белая юбка эффектно оттеняла загорелую атласную кожу стройных ножек. Наверное, Илюша и мог бы посмотреть на эту малолетнюю красотку как на женщину, если бы не её нежный возраст. На юное тело его никогда не тянуло, вопреки расхожему мнению, что мужикам оно нравится больше всего.

- Откуда вы? — поинтересовался Илюша и, услышав в ответ, что девушки чуть ли не его землячки, проникся к ним ещё большим теплом. Да и внимание к их нуждам ему захотелось проявить максимальное, словно услужить близким людям. Ведь как-никак на одном языке говорили, а за границей для человека с открытой душой родная речь — уже начало взаимопонимания.

- Ну, милые, вот вам ключи, - весело произнёс он, удовлетворённый плодотворной встречей. Слава Богу, квартира была сдана. Контракт Илюша составил тут же и вкратце постался доходчиво растолковать девицам суть всех его каверзных параграфов. Он уже предвидел, что кроме него этого не сделает никто, а стать жертвой эквилибристики юридических терминов, которыми, как правило, перенасыщены официальные бумаги, в Америке обычное дело.

- Давайте жить дружно, - многозначительно добавил Илюша напоследок. - Вы не беспокойте меня, а я не трогаю вас. Договорились?

Валя с Ларисой понятиливо кивнули, благодарные за полезные подсказки, а так же

чрезвычайно довольные тем, что так легко справились с поставленной перед ними задачей. Они подхватили копию контракта и, счастливые, упорхнули. И сам Илюша в прекрасном настроении поспешил по своим делам, не предполагая пока, с кем его столкнул случай.

Девушки оказались никакими не студентками, а обыкновенными проститутками. Об этом он узнал и уже довольно скоро. Задолго до того, как по дому, словно окосевшие от дихлофоса тараканы, медленно поползли домыслы и слухи о специфике занятий привлекательных соседок. Да и как, спрашивается, будет реагировать рядовой обыватель, если за молодыми смазливими девицами в вечерние часы регулярно приезжает лимузин и увозит их до утра? Днём те отсыпаются и с наступлением сумерек разодетые и напомаженные опять отбывают в неизвестном направлении? Естественно, у людей возникнут оправданные подозрения — куда? Ну, не на завод же к станку эти милашки бегут в ночную смену?

Однако подлинной и исчерпывающей информацией о целях ночных путешествий новых жилищек с Илюшей услужливо поделился его другой квартирант. Тоже русский. Юра - таксист. Однажды, когда разговор случайно коснулся приметных соотечественниц, тот насмешливо заметил:

- Совсем себя не жалеют. Ударницы.
- В смысле? - растерялся Илюша по поводу явно гривуазной шутки, - ты с ними знаком?

- Лично - нет, а вот с их товарищем доводилось бухать в одной компании. И какой он бизнес крутит для меня тоже не секрет. Я его давно потерял из виду и вдруг встречаю здесь вместе с нашими красавицами.

Юра неодобрительно хмыкнул.
- Труженицы интимного фронта, де-грить твою перекинь в колбочку...

Всё услышанное стало для Илюши шокирующим откровением. В принципе, плеваят он хотел на образ жизни своих квартиросъёмщиков. Праведники эти люди или грешники его абсолютно не трогало. Уж какими уродились. Да и он - не полиция нравов. Главное, чтобы девицы платили вовремя за аренду помещения и не мешали жить остальным жильцам. Чтобы не устраивали бардаков и шумных попок, не скандалили, а уж их моральный облик - не его забота. Однако мысли о Вале и Ларисе почему-то Илюшу никак не отпускали. Может быть потому, что эти девчонки были ровесницами его дочери? Или потому, что его дочка утром спешила в университет, а эти распутницы вечером отправлялись на панель?

«...За что их так обидела жизнь? — печально размышлял Илюша.

«...Это ли новое поколение страны, которую я уже не знаю? — он спрашивал себя с полным недоумением и не находил ответа.

«...Ведь при советской власти и Валя, и Лариса наверняка учились бы, работали, заводили семьи, рожали детей. Что изменилось там за двадцать лет? Кому пошёл на пользу развал Союза, кроме горстки новых богачей? Куда делась гордость за державу у тех, кто там родился? Ведь когда-то весь мир восхищался русскими, а девушками в особенности. Их уважали и чуть ли не в каждой видели Наташу Ростову. И почему сейчас на турецком базаре им без сопровождающего развязно кричат вслед — Наташа, я тебя люблю?..»

Теперь каждый месяц, первого числа, приезжая за деньгами и пересчитывая их, Илюша совестливо отводил взгляд в сторону, уже не сомневаясь, каким способом они заработаны.

Через полгода Лариса съехала. То ли нашла себе постоянного богатого покровителя, то ли переметнулась к другому сутенёру? Как бы то ни было, Валя в квартире осталась одна. Впрочем, для Илюши отсутствие Ларисы ничего не изменило. Её подруга продолжала исправно вносить арендную плату и никого не беспокоила, пока по её халатности не произошла, мягко говоря, неприятность.

Однажды среди ночи Илюшу разбудил телефонный звонок, перепуганная Валя соседка сообщила о пожаре. Он выскочил и уже через десять минут домчал к дому, благо дороги ночью пустовали. Ещё издали Илюша заметил несколько пожарных машин с включенными мигалками. Машины перегорели улицу. А когда подошел, ожидая увидеть огненное зарево и пылающее здание, с облегчением обнаружил, что ничего уже больше не горит. Пожарники орудовали непосредственно в Валиной квартире: затянули туда водяной шланг, сбили пламя и теперь лихо крушили встроенные деревянные шкафы. Илюша попытался их остановить, но ему вежливо посоветовали не мешать.

- Существует опасность сохранения непотушенных элементов деревянной конструкции, - объяснил молодец в брезентовой робе и каске, продолжая лихо отдиравать топориком дверцы и плитусы. Других серьёзных повреждений, к счастью, удалось избежать.

Однако квартира всё равно выглядела жутко: закопченные потолки и стены, лопнувшие от огня оконные стёкла, а уж мебель и давно представляла собой тягостное зрелище: обгорелая, залитая пеной, один путь - на мусорник.

В отдалении от дома, с тревогой наблюдая за всем происходящим, стояли переполошённые жильцы и среди них, рядом с Юриной женой, заплаканная Валя. Та обняла её по-матерински, набросив на худенькие девчоночьи плечи тёплую кофту, а после и вовсе увела к себе.

Наутро Илюша спозаранку приехал на место ночного происшествия. Двери в квартиру так и оставались распахнутыми настежь, а в комнате среди вороха вываленных на пол перепачканных вещей копошилась Валя. Отбирала какие-то платья, блузки и складывала их в чемодан. Илюша не стал ей мешать, а когда через час в доме появился представитель страховой компании, чтобы произвести оценку ущерба, Валя продолжала там находиться, но уже занятая напряжёнными поисками.

- Не можешь что-то найти? — участливо поинтересовался Илюша, остановившись на пороге. Раскордаш здесь царил ещё похлеще, чем ему показалось ночью. И запах! Незабываемый уже теперь запах пожара.

- Колечко, - тихо произнесла Валя, - мне его отец подарил. Серебряное, в виде стрекозки.

Она бесмощно озиралась по сторонам, словно ожидая наткнуться взглядом в дорожной и памятный для неё предмет.

- И ты не помнишь, где его положила?

- Нет, - растерянно призналась Валя, опечаленная этой пропажей к довершению ко всем остальным злоключениям.

- Найдётся, - попытался успокоить её Илюша, сам слабо надеясь на успех.

Как выяснилось, пожар возник по вине квартиросъёмщика. Именно так и сказал страховой эксперт, собираясь в дальнейшем составлять заключение, основанное на выводах пожарников. Их рапорт у него уже имелся с собой, где чёрным по белому писалось:

«...Возгорание произошло в результате воспламенения флакона с лаком для волос, находящегося в непосредственной близости от электрического нагревателя...»

Или, выражаясь протокольным языком, вся ответственность за неосторожное обращение с бытовым электроприбором целиком ложилась на Валины плечи.

«...Господи, какая банальность, - грустно усмехнулся про себя Илюша, - почти как дурацкая сцена, списанная с плаката в домоуправлении: не выключенный утюг и потерпевшая погорелица, в панике убегающая от огня...»

Ремонт в квартире предстоял большой и долгий, обещал немалые расходы. То есть, исходя из содержания полученного документа, Илюша с полным правом мог не только не возвращать денежный залог, но и потребовать через суд компенсацию причинённого материального ущерба. Ведь, в итоге Валя элементарно подожгла арендованное жильё. Пусть даже по неосторожности, но факт остаётся фактом, позволяющим повесить на неё долг, от которого в Америке нигде не деться. Разве что, не солоно хлебавши, вернуться обратно на родину, так и не устроив за границей жизнь, как о том мечтала. Ведь наверняка Валя считала своё нынешнее занятие временным. Как и полагала, наверное, что скопить денег таким занятием куда легче и эффективнее, чем впрягаться выносить горшки за немощными стариками или вкалывать на местной витаминной фабрике.

Илюша чувствовал, что судьба этой непутёвой девчонки ему небезразлична и поэтому не испытывал к ней ни зла, ни неприязни, ни раздражения. И, уж конечно, не проклинал Валу, что по её милости ему предстоят неизбежные финансовые потери.

«...Бедная, бедная, - сочувствовал он, с содроганием представляя на её месте собственную дочку. Одну! В чужом городе! Под похотливыми мужиками или с мерзкими извращенцами. Илюша жалел эту неразумную шлюшку, как взрослый может жалеть домашнего ребёнка, по глупости втянутого в грязные забавы дурной компании.

- Тебе есть куда идти? — осторожно спросил он. Не из вежливости, а действительно сопереживая тому положению, в котором оказалась Валя. И, наверное, помог бы, если бы та попросила. Но девушка лишь утвердительно кивнула и, подняв чемодан, направилась к выходу.

Американский жилищный бизнес всегда востребован. Даже, когда экономика испытывает стагнацию. Едва Илюша распродался с представителем страховой компании, как перед домом начали шнырять какие-то подозрительные личности. Что-то высматривали, вынюхивали, а когда Илюша в лоб в лоб спросил плюгавенького человечка в помятом костюме, какого рожна тот здесь ошивается, тот невозмутимо представился инвестором.

Виктор Бердник

Прозаик. Живёт в Лос-Анджелесе. Публикуется в американских русскоязычных изданиях: «Побережье», «Слово/Word», «Панорама», «Обзор». Печатается в газетах и журналах в Канаде, Германии, России, Украине, Башкортостане. Один из авторов сборника писателей русского зарубежья «На Побережье», вышедшего в Бостоне. Роман «Между двумя континентами» был опубликован в Москве.

- Вы хозяин? — безошибочно определил он Илюшин статус, не обращая внимания на неприветливый тон собеседника.

- Допустим. Что дальше?

- Наша фирма специализируется на объектах, пострадавших от пожара, - неприятный субъект ловко сунул визитную карточку.

«... И как эти шакалы развели о пожаре так скоро? — гадал Илюша, рассмеявшись в ответ на нелепое предложение продать принадлежащую ему недвижимость, якобы требующую основательного вложения средств. Потом подыехали какие-то строители, обещающие быстро и недорого сделать необходимый ремонт. Он невозмутимо отказался от услуг и этих специалистов, поражаясь вопиющей беспардонности бизнесменов с повадками шабашников. В Америке никто не подкажет: как быть умнее кого-то, а вот стать дурнее всех тебе с готовностью помогут.

Восстанавливать квартиру следовало в самые сжатые сроки и потому уже после обеда Илюша начал выгребать из комнат брошенные Валей вещи. В основном это были предметы её гардероба — яркое, безвкусное тряпье, испорченное огнём и водой. В пластиковые пакеты полетели обувь на высоченных каблуках, какие-то невообразимые модные наряды для бедноты и хорошо узнаваемое ниже белье из магазина «Frederick's». За одеждой в мусорный бак отправились обугленные телевизор и дешёвенькое стерео. Книг среди скудного домашнего скарба Илюша не обнаружил. Ни одной.

Убирая битое стекло под окном, он вдруг наткнулся в траве на небольшую жестяную коробочку. Илюша хотел было и её кинуть в ведро с осколками, но в последнюю минуту передумал и открыл. Там лежало колечко. Наверное, то самое, которое так тщетно искала Валя — скромное украшение в виде стрекозки. Очевидно, девушка машинально положила колечко в жестянку, поставила её на подоконник и забыла о ней. А коробочка при пожаре и свалилась вниз.

Илюша обрадовался и одновременно расстроился. Обрадовался, потому что в руках оказалась потерянное колечко, а расстроился, потому что вернуть его владельце не представлялось возможным. Валя уже с месяц назад поменяла номер мобильного телефона, а сообщить новый хозяину дома так и не удосужилась.

«...Ну и где её теперь искать? — Илюша в задумчивости вертел пальцами нечаянную находку, в растерянности, как поступить. Внезапно его осенило, и он поспешил к Юре таксисту, которого перехватил уже на парковке за прогреванием машины.

- Послушай, не подскажешь ли часом, как связаться с твоим знакомым?

- С каким? — удивился Юра, теряясь в предположениях, о ком конкретно идёт речь.

- Ну, с тем самым, возившим моих квартиранток, - Илюша, затрудняясь как помягче и попристойнее обозначить их маршруты, нерешительно добавил, - на работу...

- Есть необходимость? — Юра заговорчески подмигнул, - а что? Хорошие мармеладки, особенно та, с большими сиськами. Знатные шары.

Илюшу от его слов передёрнуло, но он сдержался и сухо произнёс:

- Есть. У меня к Вале небольшое дело.

- Задолжала?

- Юрчик, так подскажешь или нет? — менее всего Илюша был расположен обсуждать с ним собственные проблемы или перемывать кому-то кости.

*Продолжение на след. стр.
Продолжение. Начало на стр. 6*

- Попробую, - неуверенно проговорил Юра, озадаченный просьбой, - правда, не знаю, удастся ли? В случае чего он тебе перезвонит. Если, конечно, захочет...

О пожаре вскоре все забыли. Маляры вставили стёкла, покрасили окна, наружную стену и дом стал выглядеть таким же, как и прежде. Лишь пустующая пока квартира на-поминала Илюше о происшествии. И ещё серебряное колечко. Оно лежало в ящике письменного стола, ожидая okazji вновь оказаться на пальце у своей хозяйки. Илюша чувствовал, что не успокоится, пока не вернёт его. И денежный залог за квартиру он тоже решил вернуть. Как ему казалось, именно сейчас Валя нуждалась в деньгах особенно остро.

Однако сутенёр Вали объявился очень не скоро, и потому его звонок стал для Илюши полной неожиданностью. Он, давно распрошавшийся с надеждой отыскать Вали и обрадованный внезапно появившейся ниточке, тут же выложил ему про находку, чем невероятно того изумил: домовладелец и не живоглот? Сбитый с толку необычной совестливостью обеспеченного человека, озабоченного судьбой чужого копеечного украшения, он долго соображал и нехотя предложил приехать за колечком. О залоге Илюша пока промолчал и, взглянув на крепкого спортивного телосложения парня с пустыми глазами, нисколько не пожалел о собственной предусмотрительности. Глаза смотрели с тем узнаваемым равнодушием, которое сразу выдаёт холодную и бесстрастную натуру человека. Так смотрят люди, лишённые чувства сострадания и считающие его не более чем бабской слезливостью, недостойной настоящего мужика. И, уж конечно, не приходилось сомневаться в том, что, передай Илюша этому качку деньги для Вали, та их никогда не увидит. Оставался один путь. Правда, не самый удобный и деликатный, но зато дающий некоторый шанс.

- Кстати, а могу я с ней как-нибудь встретиться? — план у Илюши возник почти ментально. Так рождается нужная идея, когда понимаешь её очевидную простоту и удивляешься, что она не пришла в голову раньше.

- Встретиться приватно, — добавил он, намекая, что и ему не чужды элементарные мужские наслаждения, - так сказать, в интимной обстановке. Надеюсь, вы понимаете, о чём я говорю.

- Отчего же нет? - усмехнулся тот, - резонное желание развлечься. Нет проблем. Валиюша, девушка покладистая.

- Вот и замечательно. А когда?
- Да когда захотите. Скажите, куда её привезти? Ну и, - Валин знакомый чуть замялся для приличия, - приготовьте вознаграждение за услуги.

- Оно ведь как в жизни? No money — no honey, - изображая из себя мыслителя, тот философски изрёк фразу, очевидно чрезвычайно расхожую на рынке секс досуга.

- Уже договорились, - согласился Илюша, плохо представляя, о какой сумме может идти речь, - Сколько?

На удивление, цена за пикантные утехи с молодой особой, готовой удовлетворить любые прихоти состоятельного джентльмена, вполне вписывались в бюджет человека среднего достатка. За билеты в театр себе и супруге Илюше приходилось платить и поболее.

- Я так полагаю, что кольцо мне по-счастливится вручить самому? - он, предпочитая быть уверенным, что свидание с Валеи состоится, аккуратно отсчитал авансом взнос за будущие удовольствия.

- Всё что пожелаете, - Валин заботливый работодатель любезно улыбнулся, принимая вложенные между Илюшиными пальцами сотенные купюры, - как говорится, хозяин — барин.

Такого поворота дела он никак не ожидал. На следующий день ровно в назначенное время к Илюшиному дому подкатил уже знакомый «Шеви-Субурбан» с хромированными колёсными дисками и тонированными стёклами. Оттуда вышла Валя и, чуть задержавшись на высокой подножке машины, неуверенно ступила на гравиевую дорожку. В её лице мелькнула минутная растерянность, вероятно, от странного ощущения, не испытываемого до сегодняшнего вечера. Прежнее сугубо деловое общение с нынешним клиентом, как с человеком, относившимся к Вале по-доброму, а не как все, делало этот визит неловким и даже постыдным. Девушка в какое-то мгновение заколебалась, но тут же отмахнулась от смущавшего её обстоятельства и решительно направилась к входной двери.

Илюша, завидев через окно свою бывшую квартирантку, тут же поспешил ей навстречу. Из нагрудного кармана его рубашки торчал конверт, в котором лежал залог за квартиру и серебряное колечко. В столовой хлопотала Илюшина жена, приготовившая сегодня простой семейный ужин. Именно такой, каким накормила бы девочку её мама - жареная картошка и домашние котлеты.

Когда наблюдаешь жизнь, иногда становится не по себе от её несправедливости. Когда видишь неизбежность несправедливости, понимаешь, что это жизнь...

Вован старше меня на три года, а мне только исполнилось девять. Мы одного роста, но он ловчее, жилистее и почти всегда ходит с «мелкашкой» — настоящей мелкокалиберной винтовкой. И пули у него настоящие. Вован — охотник, стреляет не по мишеням и не в воздух палит. Пули экономит, говорит: «Добываю себе пропитание».

Стреляет Вован ворон, но, как он утверждает, «попадаются иногда и благородные пташки». Кто-то сказал, что есть ворон нельзя. Это чистая брехня. Вован их столько съел, что должен был умереть или улететь в даль черным вороном. А он живехонек и чувствует себя преотлично. Его бабка Ефросинья — «старая карга» — так он всегда ее называет — готовит ему из них суп и второе. По его оценке «пальчики оближешь».

Еще он — рыбак. И на это дело всегда меня зовет с собой. Одному не справиться. Но честно предупредил: «Уловом делиться не буду. Это мне на пропитание. У меня только старая карга, а у тебя родители — другая жизнь». Я не спорил. Понимал.

Рыбачим мы без удочек и без бредня. Их заменяет большая плетенная корзинка. В нашей узенькой мелкой речушке — где по колено, где по пояс и в двух местах даже по горло. Вован знает, куда за рыбой податься, знает все коряги.

Около коряг мы со всей силы бултыхаем ногами, поднимаем со дна ил и песок и одновременно черпаем корзиной воду. Слепшая и оглохшая рыбешка иногда оказывается в корзинке, вода быстро в просветы между прутьями выходит, и вот она — добыча: пескарики, шурята, плотвички, редко — окуньки, два раза — сомики. Часа за три — четыре собираем «речной урожай» — штук до десяти, но чаще 6 — 7, не больше. Старая карга делает из них уху, иногда и поджарить хватает. Нет, я не пробовал. Вован к себе не зовет, но по его словам: «Старая карга расстаралась — пальчики оближешь». Признаться, я иногда думаю, что Вован мог бы и поделиться. Все-таки я вместе с ним рыбешек ослепляю и глушу, да и корзинка наша. Но эти мысли я от себя гоню. Вовану, конечно, важнее — всего год, как война окончилась, еще продовольственные карточки в ходу, голодно, а кому-то и голодно.

Зимой, конечно, Вовану туго: речушка замерзает, но, думаю, он охотиться продолжит. Мне куда легче, живу с родителями в Москве в тепле да в уюте. А он здесь, в Кратове, круглый год. До Москвы всего ничего — 40 км. «Да, — говорит Вован, — близок локоток, да не укусишь. А так бы хорошо к вам закатиться — погреться и похрумкать чего не то. Угостишь?» Я вопросу возмущаюсь: «Чего спрашиваешь-то? Сам что ль не знаешь?» Ближе к осени мы с Вованом начинаем ходить по грибы — сыроежки, лисички, маслята, иногда удача — подосиновик или подберезовик, и только один-единственный раз — белый! Вован, как увидел тот гриб, осторожно взял его из моих рук, радостно засмеялся, потом его поцеловал, приговаривая: «Боровичок — бодрячок на сковородочку скачок!» Я попросил дать мне белый — родителям показать. Вован замотал головой: «Ни к чему. Пока ты то да се, он еще зачервивеет. Ты им расскажи, они поверят». Вечером я рассказал. Отец спросил:

— Ты нашел или Вован?
— Я! — не без гордости.
— Хоть показал бы?
— Вовану важнее.
— Правильно, — одобрил он.

И вот однажды мы с Вованом встретили грибника. Был он с нами одного роста, тощий в облезлых байковых штанах, в майке и тапочках. В руке он держал небольшую корзинку, со дна которой поглядывали четыре сыроежки и несколько лисичек. Он сказал нам:
— Здравствуйте. — И хотел идти дальше, но Вован ему дорогу преградил и начал ругаться:

— Ах, ты разбойник, ворюга, гад паршивый! — вырвал у него из руки корзинку и пересыпал грибы в свою, а его корзинку бросил на землю и продолжал орать.

— Может, хватит бандитничать, дерьмо собачье?! Тебе уже говорили, гад ползучий, не смей соваться на чужую территорию! Вообще-то, к этой территории Вован никакого отношения не имел. Я по большому счету тоже. Вован жил на дальнем конце Кратово, ближе к станции «Отдых». Дача нам не принадлежала. Родители снимали там комнату с террасой. И никакого забора, огораживающего участок, не было. А Вован продолжал ругаться:

— Ах, ты ублюдок! Сучье говно! Дырявый презерватив! — вот какие слова знал и ярился от всего этого все больше и больше. И вдруг бац — отвесил оплеуху грибнику справа, а потом и слева. Я думал, тот заплачет или в драку полезет, а он как стоял, так и продолжал стоять, только побледнел и смотрел, не отрываясь, на Вована.

— Усек? Учти — будет еще хуже, — пообещал Вован на прощанье.

А он, молча, продолжал стоять и не спускал с него глаз.

— Ну, чего спрашивается вылупилась? — и пытался сплунуть ему на тапочки, но промазал. И мы пошли к нашей кратовской речке в поисках грибов, не отрывая глаз от земли. Только один раз я обернулся — парень стоял на том же месте, где Вован надавал ему по щекам.

— А чего ты его так?

— Нечего на чужие территории соваться, воровать и, вообще, он не наш.

— Как это?

— А ты ничего не понял? Он чернявый, кучерявый, нос крючком. Еврей! И имя у него, прости Господи, из двух слов — На Ум.

— Странно как-то.

— Чего тут странного? Как говорится: пять пишем, 75 на ум пошло. Вот, наверное, отсюда и имя.

— А-а-а, — протянул я.

На Ума мы встретили еще несколько раз. Все повторялось. Сначала Вован кричал, отбирал грибы и отвешивал оплеухи. А тот молчал, бледнел и смотрел ему в лицо. А потом я встретился с На Умом один на один. Корзинки у меня не было и у него тоже. Но я вдруг начал кричать и ругаться, как Вован, и надавал ему пощечин. Даже не знаю, как получилось, как произошло?

Вечером к нам постучали в дверь. В этот момент я как раз и уснул, и кто пришел не видел. Утром — а было воскресенье — сел с родителями завтракать, потянулся за пирожком с капустой. Отец сказал:

— Не спеши. Есть разговор. Вчера вечером, когда ты заснул, к нам приходила Мальвина Исааковна.

— С голубыми волосами? Из «Золотого ключика»? — я начитанный мальчик и с Бурагино уже был знаком.

— У Мальвины Исааковны есть племянник. Зовут его Наум. По глазам вижу, что ты его знаешь.

— Да. Имя странное. Из двух слов. Пять пишем, 75 на ум пошло.

— Имя, как имя. Не сочиняй. Пишется вместе. Разговор о другом. Ты почему при встрече его по щекам лупишь? — А он на нашей территории разбойничает, грибы наши ворует.

— Сам додумался?

— Ну, сам и еще Вован сказал.

— Понятно, но ты не ответил на вопрос: «Почему?»

— Да, он не наш, — объяснил, — чернявый, кучерявый, нос кловом и вообще — еврей.

Отец молчал. Мама лицо почему-то закрыла руками. Смеялась, что ли? Отец точно не смеялся, сказал, не повышая голоса:

— Я должен тебя огорчить. Ты — тоже не наш.

— Как это?

— Твоя мама еврейка. Выходит, и ты не наш, и мама не наша, и я тоже — не наш, потому что на еврейке женат. Я молча уставился в стол, мама тихо вздохнула. Отец сказал:

— Надеюсь, что это тебе на ум пойдет, а не в другое место.

Через несколько дней объявился Вован, звал на рыбалку.

— Не пойду. Ни на охоту, ни на рыбалку, ни по грибы. Никогда.

— Это еще почему?

— Потому что.

— А точнее?

— Потому что я не ваш, — поправился,

— не твой.

— Еще чего!

— Того! И вали-ка с нашей территории!

Он покачал головой и сплунул тонкой струей мне на кеды, но как всегда промазал. — Шкандыбай отсюда, ворошиловский стрелок!

Он пожал плечами и ушел. Я хотел ему крикнуть вслед: «Оставь корзинку!» Но в последний момент подумал: «Ему нужнее».

Иван МЕНДЖЕРИЦКИЙ

Лина Вербицкая

Лина Крутовская

Родилась и до самой эмиграции жила в Одессе. Начинала крановщицей на Первом

Одесским судоремонтном заводе, где по окончании Итститута инженеров морского Флота продолжала все годы работать по специальности. В США эмигрировала в 1992-м году. Здесь немалое время продолжала работать близко к своему профилю.

Литературой увлекалась смолоду. неоднократно печаталась в одесских газетах, как корреспондент и как поэт. В Америке время от времени публикуясь в русско-язычных газетах и литературных альманахах Нью-Йорка, Пенсильвании, Сан-Франциско и Вашингтона.

**Вот заветный придел...
Та же тропка бежит
Мимо окон в кокошниках ставен.
Тихий вечный мотив,
Старый клён шелестит
Листьев ласковыми устами.
Пядь земли, умещавшая некогда мир,
Капля в радужных красках рассвета.
Как далёк, как значителен
Каждый твой миг,
Как желанно свидание это.
Здравствуй, добрый поилец,
Трудыя “журавль”.
Иль усох ты,
Иль ниже стал ростом,
Мой отважный,
Мой гордый корабль среди трав,
Мачтой в небо взметнувшийся остро.
За тобою овраг,
Неизменный приют
И пиратов, и робинзонов.
Вот и он обмелел,
А ведь в пору мою
Нам казался
Глубинным каньоном.
Да неужто всё так изменили вокруг
Сухоеи и внешние воды,
Или, может, меня-
С грустью думаю вдруг-
Замели и обветрили годы.**

**К западу солнце клонится,
Сумерки скоро суля...
За день вспорхнула ль я птицей?
Семенем пала в поля?**

**Встроила ли свой кирпичик
В сей многолюдный дом?
Звуком необезличенным
Вспыхнула ли хоть в ком?**

**За суетой- круговертью
Таёт отпущенный срок...
Господи, хоть на треть мне
Дай выполнить свой урок..**

Лист увядший...

**Средь буйства зелёных
Как печальна твоя желтизна,
Как уныла в цветущем вазоне,
Как на ветке своей непрочна...**

**Листья юные бег ускоряют,
Сила внешняя в стеблях поёт
Соловиною радугой мая,
Всем зелёным призывом...на взлёт!**

**Всё безрадостней жёлтым в вазоне,
Тяжелей к свету каждая пядь
Пройден круг...Неизменны законы...
Час безропотно им опадать...**

**О, как я вас помню, бессчётные,
Живые осколки войны...
Вас, обделённых заботою
С той, самой счастливой весны...**

**Вас, горьких трамвайных солистов,
Безруких, безногих, слепых,
Владевших лишь совестью чистой
Да болью удара под дых...**

**Вагонных проходов”подмостки”,
Сердешные пятаки,
Протянутая пилотка
В ладони дрожащей руки.**

**В те дни, что под знаменем алым
Пел гордые песни народ!
Страна вам- обрубкам прошала
“Нетрудовой” ваш доход...**

Шекель как валюта

Who'll come a-waltzing Matilda my darling,
Who'll come a-waltzing Matilda with me?
Waltzing Matilda and leading a waterbag,
Who'll come a-waltzing Matilda with me?
Australian song

1. Кузя и компаньоны

Кузя пришла домой около трех, как всегда через окно. Тильда спала спокойно, возле нее клубились мрачные тени, трогали, наклонялись к уху, что-то нашептывали. Кузя велела им убираться, но тени только отмахнулись; тогда она распахнула свои огромные зеленые глаза, и тени скорчились и растаяли под зелеными лучами. Тильда легко вздохнула и задышала ровно, глубоко. Кузя обошла дом – все было в порядке. Она поднялась в воздух, опустилась на подушку рядом с Тильдой и чутко заснула.

Утром она разбудила Тильду и велела ей подавать завтрак и идти на работу, денежки зарабатывать.

Тильда сказала:

– Отстань, дай поспать! Зачем нам деньги, у нас уже много, видела, сколько я вчера наторговала!

– Много денег не бывает, – сказала Кузя, – и ничего я не видела, где деньги-то?

– Ну ты же знаешь, деньги – у компаньонов, – зевая во весь свой маленький рот, ответила Тильда. – У нас ведь ненадежно, тебя вечно дома нет, а я одна с бандитами не справлюсь.

– Да, знала я, что ты девушка наивная, но не думала, что до такой степени. – Кузя села на кресло и обернулась хвостом. – Кто же тебя так обаял, Второй или Третий?

– Это тебя не касается, – обиделась Тильда. – Не лезь в мою личную жизнь. Вот твоё мясо, ешь и давай, куда ты там собиралась, а то почетный эскорт под окнами совсем излезла.

– Ничего, это им только на пользу, подождут. А ты – подумай. Другие кошки едят импортную еду из банок, между прочим, а мне только один раз покупали, на день рождения, а так все мясо и мясо, ну, сметана еще. Очень однообразное меню.

– Другие кошки на помойке ронются, между прочим, видела?! А ты все с претензиями. Вот приходи домой пораньше и увидишь! Денег ей мало! Будут тебе деньги!

– Ну ладно, не сердись, моя любимая Тильда! Это я так – шутейно! – сказала Кузя и поцеловала ее в ушко. – Я пошла, пока, до вечера!

Вечером, когда тени от деревьев закрыли солнце и белый диск луны выкатился на крышу соседнего дома, пришли компаньоны и принесли денежки в большом черном дипломате. Деньги эти образовались от продажи мебели, которую вагонами гнали из-за леса, из-за гор в обмен на металлопрокат. Мебель – это был бизнес Тильды, она и мебельщиков нашла, и обо всем договорилась, а прокат шел от компаньонов. Целыми днями Тильда бегала по городу – принимала вагоны с мебелью, развозила мебель по складам и выставочным залам, отгружала со складов, улыбалась покупателям, оформляла бумаги, договаривалась с арендодателями и бандитами, пила водку с нужными людьми, давала взятки. Дело шло, покупатели рассчитывались аккуратно, кредиторы не напирали – доверяли Тильде, знали – ее слово твердо. Наличные, что оседали в сухом остатке, Тильда отдавала на хранение компаньонам, сама вела учет по дням в толстой клеенчатой тетрадке – сколько мебели получила, сколько продала, расходы какие имели место быть, ну и приход, сколько наторговала и на хранение отдала.

Себе на зарплату Тильда ничего не брала, за процент от сухого остатка работала, а жила на доходы от преподавания. Тильда была девушка образованная, пожалуй, даже слишком. Кузя иногда показывала своим гостям ее дипломы, так они всегда почтительно восхищались и сообщали, что у их хозяев таких дипломов нету, и они с горя водку пьют.

Компаньоны были очень хорошие, интеллигентные мужчины. И на лицо симпатичные, один такой весь из себя высокий сутуловатый брюнет – смерть девкам! А другой – среднего роста шатен с ранней сединой в пышной шевелюре, тоже ничего себе мужчина. Звали их очень просто: брюнета – Второй, а шатена – Третий.

Второй принимал деньги с деловым видом, как должное, а простак Третий как-то высказался:

– У нас таких компаньонов еще никогда не было, ну, как ты.

У Тильды тоже никогда не было таких компаньонов. У нее вообще никаких компаньонов не было, она недавно занималась бизнесом. Это была ее первая собственная компания. Собственно, Второй и Третий и не были официально ее компаньонами, это для удобства так называлось. Тильда считала их своими друзьями. Наверное, так оно и было какое-то время.

Деньги брали – всегда пересчитывали, в свою тетрадку записывали, говорили:

– Надо, Тильда, тебе машину купить, а то што ты все пешком мотаешься, тяжело же на общественном транспорте, и на такси расход, вот как подкопятся денежки, так и поедем на базар, и как купим тебе машину хорошую, да как поедешь ты по городу, то-то все удивятся!

– А разве еще не накопилось на мою долю? – смотрела в тетрадку, морщила лоб Тильда. – Уже вроде как хватит, – высчитывала она свой процент.

И они даже ездили пару раз на базар, но как-то ничего подходящего не нашлось. Понравится Тильде машина, так всегда либо дорого слишком, либо состояние плохое. Нелегкое это дело, машину покупать.

Однако вот же он, вечер, и круглая луна с крыши соседнего дома смотрит в окно, Кузя прыгает через форточку. Закрываем шторы, все в сборе, можно начинать нашу историю.

2. Место действия

История, которую Кузя так решительно откупорила, случилась в небольшом провинциальном городе, в начале девяностых годов прошлого века. Время было переходное, веселое, даже, можно сказать, лихое. Второй и Третий этому времени вполне соответствовали.

Они были в полном расцвете лет, едва за тридцать. Юность с ее гормональным безумием была уже позади, радикулит, геморрой и импотенция еще только обозначались в туманном будущем. Все шло отлично. Общий бизнес набирал обороты, текущие жены и любовницы преданно смотрели в глаза, подчиненные беспрекословно подчинялись за вполне приличную зарплату, дети любили просто так. Помимо Дела их связывала крепкая мужская дружба. Собственно, Дело и возникло на ее основании, надежном, как египетские пирамиды.

Их было трое на челне, вначале, у истоков Дела. Первый был идеологом Дела, он его и придумал. Они впряглись втроем и потащили, и Дело пошло-поехало, полетело птицей-тройкой. Вдруг Первый стал припадать на бегу, а потом и совсем зашатался. Слабость, тошнота, боли по всему телу.

Он тяжело заболел, бедняга Первый. Второй и Третий стали его лечить. Они водили его по врачам и знахарям, возили в столичную клинику, доставали нужные лекарства. Особенно преданным заботником был Второй. Он просто не отходил от Первого, таскал его на себе, кормил и поил. Приходилось и грязную работу делать, но Второй только закусывал верхнюю губу, смахивал черный кудрявый чуб с глаза на лоб и делал все, что надо, и было это ему как бы в удовольствие, в радость. Но странное дело – чем больше, чем интимнее Второй возился с Первым, тем бледнее и слабее становился тот, таил, как свечка, и умер наконец. Молодая вдова с малым ребенком поплакала, сколько положено, и пошла работать на Дело – жить как-то нужно, а доля в Деле ей не полагалась, покойник свои права никак не выгородил.

Второй и Третий остались вдвоем. Понесенная утрата не ослабила, а, напротив, укрепила их мужской союз. Внешне они были совсем разные – Второй, высокий бледный узлопечий брюнет с шикарной черной шевелюрой, доставшейся ему от матери, азовской гречанки, был на голову выше невысокого Третьего, туповатый нос которого в сочетании с длинной носогубной линией и кудрявыми волосами наводил на мысль о еврейском вкладе в его происхождение, что Третий, кстати, отрицал категорически.

3. Обед с антисемитом

Он так ушел в отрицаловку, что как-то сказал Тильде:

– Ты – первая еврейка, с которой мы общаемся, до тебя мы и не знали, что евреи, ну, как все...

Полукровка Тильда усмехнулась. Они работали когда-то в одном НИИ, и она знала, что и заводилом, и завлаб у Второго и Третьего были евреи, очень толковые ученые. Они там все довольно плотно общались в их отделе, играли в шахматы и пили водку на чаштых отделовских вечеринках. Кого другого Тильда сразу же поставила бы на место, но эти двое стали ее друзьями совсем недавно; ей хотелось сохранить и развить эту дружбу.

И потом, они ей нравятся, особенно Второй. Что в нем действительно хорошо? Ноги, да, конечно, ноги – длинные, абсолютно прямые, оправленные в американские джинсы. Вот он полулежит на конторском диване, откинувшись на спинку, небрежно расставив свои великолепные ноги – очень сексуально выглядит! Это он такой не всегда, иногда вдруг становится похож на своего отца, зачуханного молодого старика в дражном пиджаке с вечной растрепанной книжкой в неухоженных руках. Такая неустойчивая, зыбкая привлекательность. Мечтать о нем гораздо интереснее, чем спать с ним. В постели Второй довольно однообразен и, кроме всего прочего, не подходит Тильде по размеру. Однако он считает себя очень опытным и изощренным любовником; когда их отношения закончились, и Тильда спросила его, зачем он вообще

полез в ее постель, Второй сообщил, что хотел ее научить, как делать «это».

– Что ты такое умеешь, чего я не умею? – засмеялась Тильда. – В уху, что ли?

Но это все потом, потом. А сейчас Тильда пропустила ремарку Третьего мимо, как часть давно привычного пейзажа за окном.

Ничего не поделаешь, место рождения не выбирают; место действия, конечно, нетрудно и сменить, но Тильда не была к этому еще готова, внутренне не созрела. Возможно было бы следовать за Франсуазой Саган, которая, как известно, вставала из-за стола, если кто-то из сотрапезников позволял себе антисемитскую фразу. После того, как Саган увидела хронику Дахау, добросовестно снятую немецкими операторами: деловитые бульдозеры, сгребające трупы евреев после массовых казней, у парижской хиппи от фраз такого рода пропадал аппетит.

– Не в Париже, однако, живем, – полагала Тильда, – если всякий раз вставать из-за стола, так умрешь с голоду.

Ах, эти незабываемые антисемиты! Тильда и помнила многих только потому, что они как-то оскорбили ее еврейскую половину. Ничем иным эти люди себя не проявили, и Тильда давно бы их забыла, как и не бывших, но – слова много значили для нее, она верила в силу произнесенного слова; слова, однажды сказанные ею бездумно, в порыве любви и гнева, сбывались самым ужасным образом. Поэтому Тильда в основном молчала, слушала; если же она что-то обещала, непременно это исполняла.

Неисполненные обещания висят в воздухе, звенят на ветру; ждут где-то за тьмой и светом; потом придется нести их с собой в следующую вечность. Да будет ноша легка.

4. Приятный и Крысенок

Рыночная площадь была пуста, только в отдалении, у забора, стояли две машины: потертая белая «копейка» и новенькая ярко-вишневая «семерка».

– Зачем мы приехали, говорила же вам, что сегодня не базарный день, праздник ведь, – сказала Тильда. Она немного сердилась на своих друзей, настоявших на этой поездке, но старалась этого не показывать. Обидно было попусту тратить время, которого не было. Ее ждал магазин с незаконченным ремонтом; надо было обсудить узоры оконной решетки с мастером, и на полу торгового зала, который заливали щебенкой вперемешку с мраморной крошкой, ей хотелось выложить медной полосой двух рыбок, плывущих в противоположных направлениях. Она была Рыба по гороскопу.

– Как же нет, когда вон машины стоят, – показал рукой Второй. – Пошли поговорим, они наверное на продажу их выставили.

– Да какая там продажа, сегодня не базарный день, покупателей нет, кто поедет сегодня продавать, – возражала Тильда, а сама как на веревочке влеклась за Вторым. Третий замыкал их шествие, он был необычно молчалив сегодня.

Из вишневой «семерки» навстречу им вылез парень лет двадцати пяти, светловолосый, среднего роста, с располагающим к себе лицом. За ним подтянулся другой, из «копейки», с мелким крысиным личиком без подбородка, прикрытым бесцветной челкой.

– Ну что, ребята, продаете машины? – спросил Второй, здороваясь с ними за руку.

– Продаем, продаем, покупайте, хорошая машина, всего четыре года, и колеса недавно поменяли, – заговорил Приятный, показывая на старую «копейку».

– А сколько хотите? – Второй обошел машину, открыл дверь, посмотрел на спидометр. Крысенок открыл капот, и Второй внимательно оглядел мотор, позвал Третьего, указал ему на что-то, они засмеялись.

– Так сколько?

Крысенок назвал цену, Второй приструнил и сказал, что цена завышенная, машина того не стоит. Они начали торговаться, размахивать руками. Тильда решила их прервать:

– Да я и не собираюсь эту машину покупать, чего ты торгуешься? Зачем мне старая рухлядь? Вот эту бы я купила, так цена, наверное, такая, что мне не поднять, – и она показала на блестящую «семерку».

5. Машина для Тильды

– Машина хорошая, что и говорить, – вздохнул Приятный. – Ей всего полгода, еще обкатывается. Не моя это машина, брат дал на базар съездить. Он вообще-то думает ее продать, нам деньги срочно нужны.

– Да ну, в самом деле продает? – Второй положил руку на плечо Тильды. Его большая ладонь накрыла ее плечо и половину предплечья, прохладные пальцы впились в горячую кожу. – И сколько же он хочет?

Приятный назвал цену, и Тильда обрадованно взглянула на Второго: цена была хотя и немалая, но гораздо ниже рыночной. «Семерки» стали выпускать совсем недавно, и они высоко ценились автомобилистами.

– А вы садитесь, посидите в машине, – предложил Крысенок.

– Да-да, садитесь, а то и проедьте пару

кругов, почувствуйте, как она движется, – поддержал Приятный.

Сели в машину. Тильду посадили на переднее сиденье, за руль сел Второй, Приятный и Третий разместились сзади. Запах новой машины окутал их со всех сторон. Салон был кожаный, панели управления блестящие, плеер тихонько наигрывал джаз. Второй отпустил тормоз, тронул с места тихо, затем, все набирая скорость, поехал по кругу, выехал за пределы рынка, поехал по шоссе. Машина шла плавно, ровно, мотор звучал как слаженный инструментальный ансамбль. Тильда не верила своему счастью – неужели ей наконец повезло? Такая машина и идет прямо в руки, и Второй сидит рядом, смотрит на нее ласково и трогает прохладной рукой. Денег хватит, ее доля, что накопилась, даже немножко больше, да и зарабатывает она еще, мебель идет, как горячие пирожки. Тут Второй посмотрел на Тильду, улыбнулся своей замечательной улыбкой с золотым проблеском в правом углу рта и спросил:

– Как тебе машина, нравится?

– Спрашиваешь, – подпрыгнула на сиденье Тильда, – как она может мне не нравится, – и она обернулась и посмотрела на Третьего, разделяя с ним свою радость и одновременно спрашивая его мнение.

– Хорошая машина, – сказал Третий, – конечно, хорошая.

Второй развернул машину, и они поехали назад, на рынок.

– Давай поговорим, – сказал Второй, – нам машина понравилась, мы бы ее купили.

Подошел Крысенок, посмотрел на Приятного внимательно, без улыбки. Приятный перестал улыбаться, весь подобрался и сказал:

– Я же говорил, машина не моя, брат. Надо с ним поговорить, и документы на машину у него. Конечно, если брать будете, договоримся, я через пару дней подъеду с бумагами, тогда и оформим. В ГАИ, как полагается, чтоб без проблем. Брат согласится, нам деньги нужны, срочно.

– Ладно, тогда до встречи, – сказала Тильда, – вот телефон, позвони перед приездом, – и она подал бумажку с номером телефона. – Мы возьмем, не сомневайся, и рассчитаемся сразу.

– Конечно-конечно, я вижу, люди порядочные, какие могут быть сомнения, – закивал Приятный. – Может, залог дадите?

– Да какой еще залог, мы же тебя не знаем. – усмехнулся Третий. – Заберешь деньги и ищи ветра в поле.

– Вы чего, ребята, я же не так просто, я поменять, – заторопился Приятный, расстегивая молнию на кармане, – мать у нас болеет тяжело, нужны деньги на операцию, а у нас только валюта есть. – И он достал пачку иностранных денег, перетянутую резинкой.

– Вот, израильские шекели, родственники из Израиля передали, а поменять не можем, у нас в банке их не меняют, сказали, в Киев надо ехать, а у нас времени нет раскатывать, надо хирургу заплатить. Мать ведь, мать, понимаете, мама родная болеет, тут все отдашь.

6. Шекель как валюта

– И много у тебя валюты? – спросил Второй. Он взял одну банкноту в руки, посмотрел на свет, передал Третьему. Потом взял другую банкноту, повертел, подал Тильде.

Тильда никогда до этого не видела израильских денег. Банкнота была исполнена на хорошей плотной бумаге, просматривались водяные знаки и полоска защиты. У евреев есть страна, и в этой стране ходят настоящие деньги. Это было ей удивительно приятно. Конвертируются ли они наравне с долларом? Тильда не была в этом уверена, просто не знала. Ей еще не приходилось иметь дела с иностранной валютой. На вид деньги настоящие, но кто их, этих парней, знает.

– Да есть, – сказал Приятный, – сколько вам поменять?

– Шекель, это же валюта? – Второй повернулся к Тильде, по-прежнему держа банкноту в руках.

– Вроде как валюта, – ответила Тильда. Ее вдруг начало подташнивать. Это был верный признак – что-то здесь не так, не правильно; но ведь Израиль – это же капстрана, как все другие, значит, и валюта есть?

– Возьмите на обмен залога, на тысячу долларов, – осторожно предложил Приятный. – А через два дня мы приедем, все пересчитаем, и шекели заберем.

– Рублями возьмете? – спросил Второй. – У нас долларов нет.

– Возьмем по курсу, по 1.28 рубля к доллару, по 3.4 шекеля за доллар, – подал голос Крысенок.

На трех машинах поехали в контору компаньонов. По дороге все обсуждали, по какой цене и сколько шекелей надо брать. Тильда предлагала отложить обмен до вторника, но ее никто не слушал.

В конторе Второй сказал, что готов купить у Приятного все шекели, сколько есть. Тильде стало физическое нехорошо:

– Не надо этого делать, приедет он через два дня, пригонит машину, тогда и купим, – твердила она, но ее никто не слушал. О машине уже и не вспоминали.

Продолжение на след. стр.

Продолжение. Начало на стр. 8

Тогда Тильда попыталась торговаться, сбить цену, но парни уперлись и стояли на своем. Второй поехал за деньгами в свои тайные закрома, где он там их хранил, Тильда толком и не знала. Ждали в молчании недолго, минут пять-десять.

Приехал Второй, вошел в контору с дипломатом в руках. Поставил дипломат на стол, открыл – там ровными рядами лежали пачки денег, перетянутые резинками.

Он стал брать пачки, открывать, пересчитывать и откладывать в сторону. Крысенок и Приятный сидели рядышком на диване, вздернутые, как взведенная пружина, и молча блестя глазами, доставая из сумки и пересчитывая пачки шекелей.

Тильда смотрела на мелькавшие в их руках пачки денег – это мои дни и ночи, поездки на фабрики, переговоры, взятки, ненавистная водка, разборки на станциях, торговля, банк, налоги; это мой магазин, пол с рыбками и оконные решетки, и холодильные прилавки, и новый унитаз; это моя машина. Все это сейчас уйдет незнамо кому, неведомо зачем.

– Да что же вы делаете, – обратилась она к компаньонам, – почему нельзя подождать и поменять, когда машину пригонят? Что за два дня случится?

Никто ее не слышал, все считали. Сосчитали наконец, пересчитали еще раз на бумажке, и передали друг другу деньги. Приятный и Крысенок сразу же засобирались: – До свидания, увидимся во вторник, как приедем с машиной, да мы позвоним, – и они пошли к выходу.

Проходя мимо Тильды, Крысенок коротко улыбнулся и сказал:

– Что, Тильдочка, не удалось тебе сбить цену? – и они исчезли за дверью. Коротко взревели моторы, и они уехали.

Тяжелое молчание повисло в конторе. Посидели, избегая взглядов друг друга, и Второй сказал:

– Схожу-ка я в банк, поговорю с дежурным оператором.

Он вышел. Третий и Тильда остались одни. – Думаешь, они приедут с машиной? – спросила Тильда.

Третий неуверенно пожал плечами. За молчали. Второй пришел через несколько минут, вздернутый, еще более поблудневший: – Шекель не конвертируется, это ввнутренняя валюта. Только в Израиле и меняется. – Это точно? – спросила Тильда. – Точно, – ответил Второй. – Дежурная знакомая оказалась, она посмотрела в буклете Центробанка.

– Что же мы такое сделали? шепотом спросила Тильда. – Ведь я пахала за эти деньги как проклятая, без выходных и проходных, а вы каким-то случайным людям...

Третий попытался ее успокоить, но она не слушала, тогда он буркнул:

– Да вернем мы тебе твои деньги.

Тильда посмотрела на него, утерла нос и сказала:

– Знаешь что, дай мне клеенчатую тетрадь, надо посчитать, кому сколько полагается, раз такое дело.

Второй достал ключ, отпер сейф и взял тетрадку:

– Ну, давайте посчитаемся, садитесь все к столу.

– Что-то я устал и не хочу сегодня больше ничего, – встал с дивана Третий. – Пойду я, вы тут сами, без меня посчитайтесь, – и он вышел из конторы.

7. Второй занимается любовью

Второй и Тильда остались вдвоем. Начали считать по записям, записывать цифры в столбики: приход, расходы, торговые и персональные отдельно. Тильда посмотрела на Второго: какой он бледный, ему плохо, он все понимает и старается сохранить лицо, мой милый Второй!

– Давай пойдем ко мне, – сказала Тильда. – Поедим чего-нибудь, кофе попьем, и счет лучше пойдет.

Они взяли тетрадку, Второй запер сейф с шекелями, и они вышли на улицу. Было прохладно, день смотрелся по-осеннему, вроде и не в начале лета они находились, а в его печальном завершении.

Дома Тильда сварила кофе, нарезала бутерброды. Они поели в ее маленькой кухне, медленно и печально жуя и посматривая в окно на проезжающие по переулку машины. Затем перешли в гостиную, сели в кресла по сторонам квадратного журнального стола. Тильду знобило, и она завернулась в красный клетчатый плед, чтобы согреться.

– Давай закончим это дело, – сказала Тильда, открывая тетрадку.

Второй посмотрел перед собой, сделал неопределенное движение рукой и сказал:

– Может быть, посчитаем в другой раз? А сейчас... займемся любовью?

Тильду подхватила волна, сбросила с нее плед и приземлила на колени Второго.

– Я думала, ты никогда не будешь заниматься со мной любовью, – смеясь и обнимая его за шею, сказала Тильда.

– А я думал, что я импотент, – удивился Второй.

После любви, когда Второй ушел и Тильда осталась одна, она все крутила в памяти этот длинный день, все думала: как это вышло с шекелями, почему она не остановила их... Конечно, это ее вина, она должна была твердо воспротивиться, настоять. В конце концов, кто тут умным евреем подписался?! Как все по-дурачки получилось, вот и близость со Вторым – сбывлась мечта идиота! Сколько она об этом мечтала, представляла, как все будет, и что же?

– Как-то неловко с ним в постели, стеснительно, что ли? – думала Тильда. – Почему-то невозможно сказать, чего бы и как хотелось, а чего бы никак не хотелось, сам же он не понимает, не чувствует меня; какой-то он другой, не правильный, не такой, как я привыкла... Может быть, просто слишком высокий, не в размер и не в ритм? Да нет, это первый раз, с непривычки так, потом будет лучше, ты же знаешь... О чем-то он думает все время, и это не я, нет. От этого и стена между нами, не пробьешь. А волосатый оказался, даже больше, чем я предполагала... Руку кладет на горло, вот что неприятно... Да поди не удавит, еще пригожусь... Так и не посчитались, ну в другой раз... Спать охота...

8. Купят евреи шекели?

Второй вошел в контору веселый и красивый.

– Я придумал, чего делать с шекелями, – сказал он. – Надо попробовать продать их тем, кто уезжает в Израиль, пусть даже с потерей цены. Все-таки что-то вернем. Как ты думаешь, Тильда, купят евреи шекели?

– Не знаю я, – задумалась Тильда, – надо, однако, попробовать. Конечно, которые едут, им шекели нужнее, чем рубли. Хотя вывести трудно, но ведь вывозят же валюту.

Третий молчал, шелестел бумажками, вроде его это и не касалось.

– Где же мы таких людей найдем? – задумалась Тильда. – Вы кого-нибудь знаете, кто собирается ехать? Я никого не знаю, мои кто мог и хотел – уже уехали.

– А ты позвони своим родственникам в других городах, может, они кого-то знают, – предложил Второй.

В тот же вечер Тильда позвонила родственникам и одна из них, Таллинская Тетка, сказала, что есть у нее такой человек. Серьезный Покупатель. Может заинтересоваться, если с понижением курса против текущего банковского, и, возможно, купит все, что у них есть.

Компаньоны так обрадовались, что написали Тильде командировку от своей конторы, и выплатили командировочные. И пошла Тильда билет в Таллинн покупать за казенный счет.

Пришла на вокзал, тетке в окошке говорит:

– Мне, пожалуйста, билет до Таллина.

А тетка в окошке усмехается и радостно сообщает:

– Вы, наверное, еще не знаете? Таллин третьего дня стал совершенно независимым и теперь туда виза нужна. У Вас виза есть? Нету? А без визы и билета нету. И вообще это теперь не Таллин, а Таллинн.

– Что же мне теперь делать? – спрашивает Тильда. – Хоть с одной «н», хоть с двумя, а мне все равно туда надо. Дело у меня там, важное дело.

– А ничего не делать, – отвечает тетка из окошка. – В Москву ехать, в посольство, визу просить. Там и билет на Таллинн купите, теперь туда билетов будет завались.

Ну что же, Таллин – не Таллинн, а ехать надо. Купила Тильда билет до Москвы, оставила имущество на Кузин догляд, сложила шекели в чемодан и поехала.

9. Дешево отдам!

В Москве Тильда легко отыскала посольство. По очереди, которая начиналась сразу за углом Курского вокзала. Народ стоял разный, но преобладали нордические блондины, которые в связи с историческими катаклизмами оказались гражданами других, не таллиннских стран. Теперь они не могли попасть к себе домой, их не пускали через границу. Стояли в очереди тихо, стиснув зубы, ничего не скажешь, культурный народ. Тильда легко получила визу, предъявив бизнес-приглашение, которое организовал партнер компаньонов, и в тот же день выехала в Таллинн.

В одном купе с ней оказалась супружеская пара из Казахстана, они ехали повидать своих родных и очень волновались, поскольку визы у них не было. Мужчина с напором

повторял:

– Да я им паспорт покажу, там же написано – эстонец, да по мне разве не видно, что же они, своего не пустят. – Его жена с сомнением качала головой.

В Нарве в вагон зашли эстонские пограничники, немногословные, затянутые в ремни. Они увели с собой казахстанцев и еще несколько человек, с вещами на выход. Как мужчина не кричал, что его за мостом брат ждет, как не тряс свидетельством о рождении, удостоверявшим его арийское происхождение, ничего им не помогло – через границу их не пустили.

Жалко казахстанцев, но долго печалиться о них не приходится – своих проблем хватает.

Прямо с теткиного порога Тильда узнала, что Серьезный Покупатель оказался не таким уж и серьезным, и покупать ничего не будет. Не нужны ему шекели, хоть бы и за полцены. Вот так аффронт! Что же теперь делать?

– Где тут евреи остались? – спрашивает она тетку. – Вдруг найдется кто-нибудь желающий купить.

– Ну, не знаю, – говорит тетка. – Вот в Старом Городе, в ресторане «У башни» за производством, Арон такой, надо у него спросить.

Увидев Арона, похожего на английского лорда на пенсии, Тильда сразу поняла – этому шекели совершенно ни к чему, ему и так хорошо. И действительно, Арон посмотрел на шекели затаманенным взором и сказал, что его это не интересует. Но вот его друзей вполне может заинтересовать. Он назвал еще несколько адресов и имен, куда Тильда могла бы обратиться.

И пошла Тильда по Таллинну. Город, в старой его части, оказался замечательно красивым, всячески подчеркивающим свою старину; по мощеным камнем улицам мимо круглых башен вдоль крепостной стены бежал столетний трамвайчик. Вот только пустовато в нем было; туристов нет, да и местные сидели по домам, считали, что они смогут купить на свою зарплату, если заплатят за квартиру – страна только что ввела крону вместо рубля, и цены поднялись так, как никто и не ожидал.

Тильда заходила в бары и мастерские, находила нужных людей, показывала им шекели, называла цену. Дешево отдавала; в одном месте проявили какой-то интерес на небольшую сумму, но курс предложили такой смешной, что Тильда поблагодарила и ушла. Усталая и несчастная, она вернулась к тетке.

– Что же, никто ничего не купил? – рассстроилась тетка. – Выходит, зря я тебя обнадежила. Давай я у тебя хоть на сто долларов возьму, чтобы не совсем напрасная поездка получилась. Все равно я весной собираюсь ехать, так мне пригодится.

– Ну давай, – махнула рукой Тильда. – Не всухую, на худой конец.

10. До или после?

На другой день Тильда уехала обратно. Дома позвонила компаньонам в контору и они вечером заехали забрать шекели.

Тильда стала рассказывать о своем путешествии, компаньоны отстраненно слушали, потом Третий спросил:

– Так ты ходила по разным местам, предлагала? Этого не надо было делать.

– Почему? – спросила Тильда. – Деньги ведь настоящие, что такого?

– Настоящие-то они настоящие, только не ходят больше.

– Где не ходят, в Израиле? Это почему?

– Дореформенные это шекели, старые. В Израиле несколько лет назад денежная реформа была, и эти шекели вывели из обращения, заменили на новые, – сказал Второй.

Тильда замолчала; смотрела на компаньонов, они спокойно улыбались. Она слотнула, потом спросила:

– Вы это когда узнали? До моей поездки или после?

– До, – ответил Третий. – В банке буклет есть, там и старый, и новый шекель представлен, и про степени защиты все описано. Я и заявление в милицию написал, смотри, – он пошарил в кармане и подал Тильде сложенный вчетверо листок бумаги.

– Что же тебе в милиции сказали? – невидящими глазами смотрела на листок Тильда.

– Сказали, таких случаев много, и ничего не выйдет у нас, не найдем мы этих катал, у них покровители наверху. Лучше и не начинать, – ответил Второй и забрал листок.

– Так я, значит, тоже каталой прокатилась. Слава Б-гу, ничего не продала. – Тильде стало трудно дышать, слова застревали в гортле, она их пропихивала наверх, в атмосферу. – Живая, значит, осталась. Тетку, выходит, обманула. Ладно, с теткой разберемся.

Воздух стал густым и розовым. Вот, значит, как со мной можно. Еще и так можно. А ты говорила – в уху.

– Деньги мои, что отдать обещали, принесите. Завтра, вечером, сегодня у меня дела есть. Теперь идите. Я устала, очень, отдыхать буду.

Компаньоны ушли. Тильда посидела, выравнивая дыхание, понижая давление, привыкая к ситуации. Лихо они со мной. Теперь,

значит, так будем жить. Кузя подошла, села рядом, толкнула Тильду в бок лбом.

– Молчи, – сказала Тильда, – не заводил тебе говорила. И так тошно. Сама все знаю.

– Тетке позвони, – спокойно сказала Кузя.

Тильда позвонила тетке, сказала, что скоро приедет и заберет шекели, ей самой их очень надо оказалось. Пусть никуда не деваает. – Да куда их тут девать, – ответила тетка.

11. А денег больше нет!

– Кузя, смотри, сколько денег? – позвала Тильда.

Второй открыл «дипломат» и вывалил деньги на диван. Пачки денег, розовые, желтые, яркие как канарейки, рассыпались по покрывалу, легли этакой горкой. Кузя подошла, посмотрела, поднялась в воздух и легла на деньги сверху, с вызовом глядя на Второго.

– Давайте же считать, – сказал Второй, – убери свою кошку, чего она тут развалилась.

Второй боялся животных. Они его тоже не праздновали, внимательно наблюдали за его передвижениями в пространстве. Не то чтобы животные чего-то опасались. Не нравился им Второй, вот и все.

– Кузя, слезай, – позвала Тильда. – Тут, пожалуй, не все наше, сейчас будем делиться.

Кузя полежала, подумала, потом встала и отошла по дивану в сторону. Недалеко, так что деньги оставались в поле ее зрения.

Второй протянул руку, хотел было начать считать, но передумал и кивнул Тильде:

– Давай свои записи, что ты там насчитала?

Тильда открыла пухлую, затертую рабочую тетрадь и начала читать, поправляя очки указательным пальцем: какую мебель и когда купила и за сколько, какие были расходы на торговлю, сколько отдала за бартерный металл, взятки на фабриках, сколько сдала на хранение... Компаньоны внимательно ее разглядывали, слушали, значит... Кузя разглядывала компаньонов...

Наконец чтение закончилось, и Тильда назвала сумму окончательного расчета, что ей полагалась. Компаньоны переглянулись и Третий сказал:

– Ну считай, сколько тут всего есть.

Тильда сосчитала, денег было мало.

– Здесь меньше половины, – сказала Тильда.

– А денег больше нет! – легко сказал Второй. В правом углу рта тускло блеснул мостик красного самоварного золота. Тильда посмотрела – мостик висел на крючке, зацепленном за соседний здоровый зуб.

– Вот что есть, то и твою. Мы хорошо жили, когда мебелью торговали. Поистрадались, ничего не поделаешь. Зато есть что вспомнить. Но мы ведь по-прежнему друзья, правда?!

– Правда, – ответила Тильда. Она собрала деньги, еще раз сосчитала, прикинула: ремонт закончить хватит. Все-таки они человекообразные оказались. Могли бы и ничего не отдать. Надо будет завтра же сейф купить.

Она положила деньги в бар, взяла бутылку вина, рюмки, поставила на стол:

– Предлагаю тост – за выход из колхоза и за подъем единоличного хозяйства. Ура, господа компаньоны!

12. Объяснение к эпиграфу

Вот и пришел конец валютной истории. Тильда дописывает ее на кухне, у окна. Слышен звук проезжающей по переулку машины. Тильда поднимает голову, но не успевает ничего рассмотреть, и спрашивает:

– Какая это была машина?

– Белая, – отвечает Кузя. Она сидит на окне, изучает обстановку на подступах к квартире. – Белая машина. А ты думала, голубая?

– И чего ты такая язва? – удивляется Тильда. – Спросить нельзя. Я так, вообще интересуюсь. Лучше скажи, что это за эпиграф ты на мой рассказ навесила и откуда ты знаешь старые австралийские песни? Кто такая эта вальсирующая Матильда?

– Это очень просто, – отвечает Кузя. – В соседнем доме появился новый жилец, моряк торгового флота, он все время эту песню поет. У него есть кот, Томас, так он мне все объяснил.

Это вообще-то дорожная песня. Давно, еще в девятнадцатом веке, когда австралийский бродяга направлялся в дальний путь, на прииск, овец перегонять или еще куда по делам, не важно, зачем и куда, а важно, что надолго, на несколько месяцев, он брал с собой мешок с самым необходимым и женщину, тоже из бывших каторжных. Женщина эта варила на костре, стирала в ручье, если таковой находился, и согревала бродягу холодными ночами. Она была ему походной женой. А потом он ее оставил, и она «вальсировала» с другим бродягой или пробивалась по жизни самостоятельно, это уж как у нее выходило. Женщины эти были тягучие, как лошади, надежные, молчаливые, и ни на кого, Tilda, my darling, особенно не рассчитывали. Австралия – она плоская, переходы там длинные, и ночью бывает очень холодно на ветру одному. Надо завернуться поплотнее в одеяло, прижаться к бродяге и ждать рассвета.

Нина БОЛЬШАКОВА

Древний и самобытный народ — карелы

В Карелии, где родилась газета «Провинциальный интеллигент 1», население особо относится к коренным жителям - карелам, финнам, вепсам (при этом не забывая об исконно русских поселениях в Поморье, Заонежье, Пудожье) и уважительно относится к представителям всех национальностей — золотому фонду республики.

Наш северный край, ранее «подстоличная Сибирь», известен миру карело-финским эпосом «Калевала», островами Киж, Валаам и Соловки - национальным достоянием России, включенным в Список памятников Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. А сколько тружеников, спортсменов, ученых, предпринимателей, военных, людей творческих профессий — жителей разных национальностей внесли достойную лепту в историю нашей республики!

Через тысячелетия сотни людских поколений северного края пронесли до нас честь и память о жителях, определивших название земли - Карелия.

Кто же эти люди?

Родоначальником современного карельского народа является племя корела, возникшее в первом тысячелетии новой эры на основе слияния местного прибалтийско-финского и пришедшего из юго-восточного Приладожья населения. Карельский народ сформировался под влиянием Новгородской Республики, а с 1478 года — Русского централизованного государства. Современные карелы в основном проживают в России и Финляндии. В Республике Карелия их - больше половины от численности всех карелов - 57,3%, в Тверской области - 12,8%, в Санкт-Петербурге - 1,9%, Ленинградской области - 1,8% и в Финляндии - 26,2%. По вероисповедованию карелы — православные, они крещены новгородским князем Ярославом Всеволодовичем еще в 1227 г.

Карельский уклад жизни

Хочу познакомить Вас с Анной Ильиничной Логиновой, имеющей сочные карельские корни, живой «энциклопедией» векового карельского рода, обладателя почти музейных знаний карельского этноса. Не верится, что эта красивая петрозаводчанка полгода назад отметила 80 лет. Анна из пяти детей — самая младшая. Волосы темно-русые со слабой проседью. Взгляд внимательный, душа открыта всем. Анна застала уклад жизни карелов, характерный для конца XIX — начала XX веков. В её семье было 7 человек (В XIX веке в карельских семьях жило до 3-4 поколений, то есть до 25-40 человек). Отец Илья Егорович был настоящим хозяином семьи, отличным плотником и столяром. Сам с женой построил дом в 1915 году в дер. Яковлевская Олонецкого района. Когда в 70-е годы появились изящные работы художника, иллюстратора «Калевалы» - молодой Тамары Юфа с изображением карельских домов, они поразили меня своей этнической красотой. Я такой дом и представляла у Логиновых. Но оказалось, Илья Егорович сделал отступления с учетом увиденных домов в пригороде Петербурга, куда ездил по хозяйственным делам. Окна в его постройке, в отличие от соседских, стали крупнее и выразительнее от разросованных наличников, число комнат увеличилось — вместо одной горницы построил две, туалет стал комфортнее. Но карельский облик дом сохранил благодаря высокой удлиненной крыше, объединяющей жилую и хозяйственную часть жилища (для коровы, овечки, собаки, поросенка; фуража и различных хозяйственных принадлежностей). Это было естественным для сурового северного климата. Илья изготавливал рамы, мебель, деревянные бочки и многое другое. Вязал сети, мережи, шил кожаную обувь, плел лапти и разнообразные корзинки - самый запоминающийся подарок для детей. Он самостоятельно делал все покупки для дома. Работая лесничим, приносил ягоды, грибы, рыбу, дичь, иногда попадался и заяц.

В доме хозяйничала мама Дарья Петровна. Все дети ей помогали. Маленькая Аня уже в 7 лет мыла полы с шпорканьем досок венником-голиком, с песком, в лаптях. А потом стелили на чистые белые полы дотканые в разноцветную полоску льняные дорожки. Сами сеяли лен, отмачивали в озере, сушили, отбивали палками кору, металлическим гребнем-щеткой вычесывали ветки и разволокняли лен, превращая его в нити. Ткали холсты по 10 метров. В марте, когда был крепкий наст, отбеливали лен на солнце. Анна Ильинична помнит, что ежедневно на обеденный стол клали чистую скатерть, и всегда в доме в горшках была зола с водой и белым льном — так отбеливали скатерти.

Карельские семьи жили дружно. Ведь девочек с детства приучали ткать, шить и вышивать полотенца, кофты, мужские рубашки, постельные принадлежности. Считалось, что так они готовят приданое к своей свадьбе. А мальчиков воспитывали как добытчиков, защитников своих семей и традиционного домашнего уклада. В трудное время семьи помогали друг другу, особенно тем, у кого не было мужчин. Достойный пример порядочности детям показали родители Ани, когда предложили свой кров многодетной соседской семье, у которой сгорел дом. Совместное житье длилось 5 лет. Не каждый на это решится.

Универсальные хозяйки

По современным меркам женщины карельских семей были уникальны. Они не только вели хозяйство, но при этом освоили несколько десятков разных профессий: по воспроизвод-

ству нитей (плели лен, коноплю), ткачеству, шитью и дизайну домашних вещей, разнообразной одежде. Рубахи шили с вышивкой на застёжке косовороток и манжетах. Краски для нитей и тканей изготавливали сами. Заслуженно в 1900 году в блистательном Париже на Всемирной выставке присуждены серебряные медали по женскому рукоделию карельским мастерицам из Олонецкого уезда России Матрене Тимофеевой, Татьяне Риккиевой. В XXI веке в музеях республики карельские изделия поражают неповторяющимся рисунком вязки и вышивки красного яркого цвета тамбуром (стиль объемной вышивки) на холсте.

Для защиты от студеной зимы шили шабу и безрукавки меховые из бараньего меха. Рубашки меховые и шерстяные покрывались сверху сукном как чехлом. Во всех семьях было натуральное хозяйство: рыба, мясо, молоко, творог, мука — все было свое, хлеб пекли сами. Облагораживали почву: рубили мелкий лес, сжигали ветки и через год сеяли синюю и желтую репу. А потом в печке ее парили в горшках, запекали без воды и соли и ели как картошку. Во всех карельских домах были русские печи с главным инструментом — ухватом, которым в печь сажали чугунки с едой. Вот в чем был залог здоровья и долгожительства (в наше время распространено вредоносное приготовление пищи жарением). К радости жителей и гостей Карелии, секрет карельской кухни не утрачен. Помимо приобретения книг о национальных кулинарных изысках любой может посетить ресторан «Карельская горница», блюда которого никого не оставят равнодушным. Более того, шеф-повар Тармо Васениус может научить готовить понравившиеся блюда в клубе гурманов, организованном при этом ресторане.

Каждую субботу топили бани по-черному. Женщины это тоже могли делать умело. В печку бросали камни. Когда они достаточно нагревались, их опускали в банную кадушку. Воду носили на коромыслах или вдвоем на палке. Бадья была на 2-3 ведра. Воду для мытья черпали специальным берестяным ковшом — «пурту». После бани одевали чистейшее выглаженное специальной доской («рубелем») белье и собирались на кухне поедать вкусную домашнюю еду: дети всегда выделяли колобы, калитки с картофелем, пшеном и творогом, рыбки, ватрушки с ягодами и творогом. Уклад жизни заставлял женщин быть смелыми и во всех делах универсалами. Дарья Петровна знала все особенности ухода за скотиной, была знахаркой, принимала роды у животных и у людей. В 4 часа утра доили коров. Одна корова холмогорской породы давала 10 литров молока, у некоторых удой был до 30 литров (эту корову отец купил в поселении на реке Свирь). Ухаживать за 15-ю колхозными коровами было не просто. Однажды, будучи на сносях, Дарья Петровна пошла на дойку; но неожиданно начались схватки, и она тут же родила своего младшего ребенка — кроху Анечку, ставшую счастьем для семьи — гостьей нашей газеты.

Любопытны воспоминания военного детства. В 1941 году Ане исполнилось 11 лет. Территория, где жила ее семья, была оккупирована войсками — союзниками гитлеровской Германии. Новое командование выделило каждой семье по гектару земли для выращивания пшеницы, ржи, ячменя, овса, гороха, картофеля и других овощей — традиционных посадок; организовало обмен местных продуктов питания на финскую фланель. Одно было детям не понятно — почему местный лес вывозили за границу? Уже повзрослев, узнали о цели оккупации, это - финнизация и переселение карелов, вепсов.

Удивительно, что во время войны работала школа. Три финских преподавателя (мужчина и две женщины) учили математике, географии, истории, финскому языку, рисованию, пению, танцам. Дети были разные, Анна Ильинична вспоминает одного смешливого парня, которого отвели в учительскую, чтоб не сорвал урок. Там его несколько раз ударили ремнем (в советских школах обходились без ремня). Порядок был восстановлен, и даже преподаватели пообещали, что за хорошее поведение возьмут двух детей посмотреть Финляндию. Учителя были строгие, но в целом добрые. Сами ежедневно организовывали завтраки для учащихся после двух уроков. Давали репу, турнепс, картофель, белокочанную капусту и кольраби, коровье молоко, манную и пшеничную кашу, картофельное пюре. Каждый получал по 1 лож-

ке рыбьего жира. В школе учили вязать носки, варежки, шапочки и даже шить обувь с использованием деревянных колодок. В 12 лет Аня вместе с несколькими одноклассниками выступала на концерте перед родителями с песнями, в одинаковых красивых ситцевых платьях, материал для которых учитель специально привез из Финляндии. Добрые дела запоминаются на всю жизнь, вечную и очень сложную, что подтверждает история многих поколений.

Тысячелетняя история карелов

Предкам современных карелов пришлось испытать сполна многовековую тяжесть военного лихолетья: круговерть многочисленных набегов врагов, грабежи, с середины IX века - разорения во время частых войн за территориальные споры. Карельский народ, находясь в составе России, не ощущал притеснения и насилия, племена жили мирно, перенимали жизненный опыт друг друга. В истории края невозможно определить меру участия русских, карелов и вепсов в трудовых и ратных делах. Защищая границы русского государства, карелы тоже участвовали в битвах Александра Невского на Чудском озере, воевали против немецких рыцарей, польско-литовских наемников и шведов, которым оказывали упорное сопротивление из-за военных стычек, нетерпимых огромных налогов, насильственного обращения в лютеранство. С XVI века неизбежно имя и дела легендарного героя - предводителя карельских партизан в борьбе против шведов Рокаччу (Рогачева) Ивана Степановича, потерявшего семью, истребленную врагами, и погибшего в бою. Когда кончался предел терпению, карелы тысячами покидали захваченные шведами карельские земли и переселялись в среднюю Карелию, Заонежье, территории вблизи Тихвина, Новгорода, Валдая, Твери. Свободолюбивый народ Севера, к счастью, не испытал крепостничества и жесткого феодального гнета.

Коренные изменения произошли в жизни карелов в XX веке, начавшегося иностранной интервенцией, Гражданской войной, желанием части коренного населения присоединиться к Финляндии, борьбой сторонников и противников советской власти. В 1920 году была образована Карельская Трудовая Коммуна, в 1923 году преобразованная в Карельскую АССР. С этого времени борьба с неграмотностью, развитие системы образования содействовали формированию карельской интеллигенции, в первую очередь учителей и культпросветработников. Многие карелы стали зоотехниками, агрономами, ветеринарными врачами, фельдшерами, экономистами и др., а также были выбраны в различные структуры власти и управления. Доля грамотных среди карелов увеличилась с 10,4% в начале XX века до 80% к концу 1930-х годов. К этому времени (по данным переписи 1926 года) карелов насчитывалось 37,4% от общей численности населения Карелии, в начале XXI века из-за ассимиляции процент уменьшился до 10. Волна освоения новых профессий охватила и родственников Анны Ильиничны. 7 человек стали педагогами. Из них — родная сестра Мария Ильинична, перенесшая Ленинградскую блокаду, воспитала у школьников главное — доброту и интерес к знаниям. Ее дочь Людмила Вяжевич стала мудрым Эскулапом. В Карелии именно ей доверили первую должность педиатра-реабилитолога, оздоравливающего детей с самыми сложными диагнозами. А ее дочери — Елене Романовой — внучке Анны Ильиничны Петрозаводская мэрия доверила вести уроки в школе № 45 в экспериментальном классе с самыми талантливыми детьми микрорайона. (Ну как не вспомнить о карельских генах женщин-универсалов!) В роду Логиновых появились электрики, строители, металлисты, лесники, доярки, работники торговли, экскурсоводы. Сама Анна Ильинична трудилась на разных работах, но наибольший стаж был в учреждениях госторговли. А возможно, ее тайной целью еще со школьных лет было познание искусства, как у актрисы национального театра, народной артистки России Дарьи Карповой — девушки из карельской глубинки. История жизни карелов — сложная. Только высокая ответственность, такт и крепкий характер, трудолюбие и оптимизм сформировали главные черты жителей Севера. Именно это помогло Анне Ильиничне не потерять вкус к жизни в наше время. Уже

пенсионеркой она с интересом познала от езжего лектора о «Калевале», хотя читала ее и раньше. Узнала, что во второй половине XX века исследованиями ученых (кандидатов наук) - фольклориста Эйно Киуру и поэта Армаса Мишина доказательно подтверждено авторство талантливого ученого и поэта Элиаса Лённрота в создании эпоса «Калевала» (ранее Лённрота считали только собирателем и составителем эпоса). Анна в последние десятилетия почувствовала рост интереса к карельскому языку. В школах появились классы с изучением этого языка; стали издаваться красивые учебники, получившие санитарно-эпидемиологические заключения на безопасность полиграфического исполнения, шрифтового оформления и качества иллюстраций. Началось возрождение карельской письменности. Местное телевидение ввело передачу по изучению карельского языка с креативным педагогом Тамарой Щербаковой, приглашаемой по обмену опытом в Республику Коми. Пока глаза хорошо видели, уже на восьмом десятке лет Анна занималась художественным лоскутным шитьем. Местный Ключевской Центр социальной работы наградил ее благодарственным письмом и званием «Золотые руки». Когда зрение стало сдавать, увлеклась хоровым пением в клубе «Ретро», реализуя детскую мечту о сценическом выступлении. Однако ей пришлось 5 лет проработать на стройках в послевоенном Петрозаводске, восстанавливая его после пепелища с печными трубами вдоль озера, разрухи многих зданий. Поэтому Анна умеет ценить созидательный труд других по возрождению Карелии. Ее оптимизм радует и вдохновляет родных.

«Suvaicus» — по-карельски означает «любовь»

Анна Ильинична дважды встретила любовь в двух браках. От первого мужа-украинца, брянца Анатолия родила красивых двух сыновей. Первая семейная фотография на комодке свидетельствует: Анна - необычайно красива, выглядит как европейская актриса, а не девушка из карельской деревни. Даже родная сестра говорила ей: «Какие руки красивые - только на пианино играть!» К сожалению, муж умер рано. Второй супруг-ровесник Василий - карел, полюбил ее в 13 лет - в школьные годы. Бегали по партам, Аня стукнула его книжкой по голове, он ей бантик на косичке развязал. Спустя 30 лет, узнав, о ее вдовстве, сразу разошелся со своей женой. Часто говорил: «Сладкая моя, нежная Аничка-голубушка, как увидел — так и полюбил!». Красавица Анна заметила, что он - голубоглазый, рыжий и очень страстный, любит ее и ее детей. Навсегда запомнилась его согревающие слова: «Голубушка ты моя, моя любимая, моя золотая, единственная моя, люблю на всю жизнь!» Так передавать свою нежность любимому человеку в каждой карельской семье учила мама, рассказывая своим маленьким несмышляшкам сказки удивительной красоты, созданные из фантастической связи предметов окружающего карелов быта. Самыми известными сказительницами стали Мария Михеева, Мария Ремшу, Татьяна Перттунен. Карельские сказки всегда были востребованы в Карелии и раскупались молниеносно. Любовь, как божий дар и главная добродетель карельских семей, свидетельствует о благородстве духа. Это мы ощущаем в имени республики. Мои земляки разных (почти сотни) народов при выезде за пределы края нередко называют себя гордо: «Мы — карелы!», повторяя сакральное название романа знаменитого писателя Карелии Антти Тимонена.

Записала Гильма ПОРАЛЬ

НАТАЛЬЯ ЛАЙДИНЕН

«На безвестной войне»

Я люблю тебя потому,
Что ты мне никогда не лгал,
Несмотря на обвал, тюрьму
И бесславных страстей накал.

Через море и жар пустынь,
Преступленья, свинцовый дождь,
Разрывая души пласты,
Утверждал, что любую - ждешь.

Потому, что вернул ключи
И рассеял снов карнавал,
Изнывая в чужой ночи,
Даже мыслью — не предавал.

И когда, закрывая счет,
Перекрестятся жизни в нить,
Ты подставишь крылом плечо
И не станешь ни в чем винить.

Над горизонтом летят голоса.
Уши зажала. Тише!
Я должна о тебе написать,
Чтобы ты знал, что дышишь,

Любишь и остаешься живым!
В небо ворвусь снарядам
И фейерверком, столпом огнем:
- Слушай, смотри! Я - рядом!

Краткостью встреч и разлукой изранена!
Путь в сновиденья отчаян и скрыт.
Рухнула прямо в объятия Израиля:
- Кто от любви меня защитит?

Мудростью царственной,
страстью Давидовой,
В сердце вливается древний псалом
И раскрывается - силой невиданной:
- Там, где ты будешь,
- и кров мой, и дом!

Даже пустыня кругом каменистая,
Соль обжигает морскою слезой,
Я до тебя — километрами, мыслями,
Ты - горьким сабром, живучей лозой,

И поселеньями, и пулеметами
Всей исстрадавшейся в муке земли.
Трудная, прежде чужая мне Родина,
Ставшая близкой в дорожной пыли.

Молния! В будущем - бури несметные...
Ты мне течением вечности дан.
- Тихая песнь возвращенья, бессмертия,
Где водопадом любви — Иордан!

На сердце тоска разорвется снарядам,
Окутает сизым, дурманящим дымом,
Из прошлого ветер повеет внезапный:
Есть память, которой никто не отнимет.

Пушай ничего впереди не осталось,
Кричат наяву нерожденные дети,
Я жрище сонной смотрю на омфалос
И знаю, что будут разрушены Дельфы,

Пленительна мысль об увиденном чуде
Из темных глубин,
от сокровищ несметных!
Я помнить тебя с благодарностью буду,
Любовь даже в вечной разлуке —
бессмертна.

Я ночной бегу марафон.
Есть четыре стены. Телефон.
В нем давно оглохли гудки
От моей щенячьей тоски.
Время крутит время назад.
На себя до одури зла.
Как могла быть гордой такой,
Чтоб навек прощаться с тобой,
Словно в сердце осколок льда...
- А теперь глотать провода.

Ночью голос дрожит.
Тень свечи на стене.
Может, ты еще жив
На безвестной войне.

В небе тянется мост
От груди до груди.
Не утешит погост:
Духу долго бродить...

Через сотню часов
В неизвестном году
Я услышу твой зов,
Поднимусь и приду.

Чайкой носится весть.
В серых струях дождя
Март был заплакан весь.
До сих пор жду тебя...

Как давно я не видела светлого сна,
Мыслями в самом пекле, в пыли боевой.
Ты скажи мне, закончится ли эта война
И когда ты в мой вечер
вернешься живой...

Вновь свежуетса мясо
для чьих-то побед -
Тот процент, что статистика
смерти сдает.
И тебя предлагают послать
отбивной на обед,
Когда мирный процесс
набирает решительный ход.

Под дождем пулеметным душа
начинает слабеть,
Пусть в кровавой пустыне
опять зеленеет трава!
Кто тебя посылал на героическую
страшную смерть,
После звонкое имя, наверно,
припомнит едва.

Может быть, не забудет
в молитвах народ,
Но твой подвиг так мал
в исторических рвах величин.
И кто прав, кто неправ,
лишь Всевышний один разберет.
Только он со времен Моисея
все больше молчит.

Жду - шальная сирена опять
разорвет тишину,
Значит, ты будешь там,
где тревога и бой.
Боже мой, как же я ненавижу войну,
День и ночь разлучающую с тобой...

Тело здесь, остальное — там!
Мне не стало в разлуке проще.
Я брожу по святым местам,
Связанным с твоим прошлым.

В настоящем туман и муть,
Испытаний не видно края!
Вспоминай про меня чуть-чуть,
Проминая небесный гравий!

Мы бессмертны и тем сильны,
Дым растраченных весен горек!
От тебя остаются сны
И подаренный мне город.

СВИДАНИЕ

Она пришла ко мне, когда я спала. Я проснулась от прикосновения тёплых мягких рук и встретила с её нежными, сияющими и любящими глазами.

- Мама! это ты?!— вскрикнула я, ещё не веря своим глазам. Кинулась в её объятия, прильнув всем своим существом к ней, такой родной, близкой, любимой. Пахнуло знакомым до боли, неизъяснимо чудесным, ароматным: этот запах я впитала в себя в колыбели с материнским молоком.

В десять лет так хочется верить в чудеса! Ошеломляющее событие, что и говорить: она была рядом - живая, из плоти и крови, и взгляд её, казалось, проникал в самые тайники моей души, читая мысли как открытую книгу. И люющий сияющим потоком из маминых золотисто-карих глаз свет — такой столб сияющего света, что слепило глаза - окутывал меня плотным надёжным щитом, согревал и заставлял биться моё сердце сильно-сильно! Я чувствовала своё сердцебиение так явственно, словно в груди били в набат. Это наши с мамой сердца сейчас бились как одно большое-большое сердце.

Вопреки всем земным законам, мама была со мной. Она не умерла.
- Мамочка, ты ведь... не умерла?! — Я смотрела на неё с глубокой верой и надеждой, с неискущённостью детского опыта и знала, что это так и есть, на самом деле реально всё то, что я сейчас вижу, ощущаю, чем дышу и живу. — Вчерашние похороны — это ведь был просто сон, да?..

- Да, это был сон, называемый на земле явью. Величайшая иллюзия, - она кивнула головой, не сводя с меня глаз, смотрела ласково и одновременно — испытующе; непривычно новым был для меня этот её серьёзный, пронизывающий насквозь взгляд, точно она хотела внушить мне какую-то очень важную мысль. — Я не умерла: ты, дочка, не сомневайся.

— И я ей верю, верю безоговорочно и гляжу безотрывно и доверчиво на неё — самого дорогого человека на свете.

Что-то необычайно странное, вместе с тем, несомненно, притягательное было во всём её облике, в этом чудесном сиянье её такого удивительно молодого прекрасного лица, совсем не обезображенного болезнью. Рак желудка — такой диагноз вынесли врачи в онкологической больнице, и я узнала об этом из разговора женщин, когда, оглушённая её смертью, сидела, забытая всеми, в углу комнаты, где вершилось нечто из ряда вон выходящее. Мамины подруги свершали над ней обряд, готовя её в последний, скорбный путь. Я с ужасом наблюдала, как снимают сорочку с маминого исхудавшего тела, превратившего за несколько месяцев болезни в сухую мумию, как моют её. Вернее, мыли то, что осталось от мамы — её оболочку. Скелет, обтянутый кожей. Самое ужасное, я не могла ещё свыкнуться с этой мыслью, что это была уже не мама, а труп, боль тупой иглой проникала в моё сознание, когда я увидела, как в руках безжалостных женщин безжизненно обвисает, точно тряпичная кукла, мамино тело. Жизнь покинула его только что. Я видела ЭТО: мы с отцом и двумя старшими братьями-погодками теснились у кровати больной, нас собрали и поставили сюда; сзади вплотную подпирали взрослые - родня и знакомые; чьи-то руки лежали на моих плечах. Стояла гробовая тишина. В эту минуту мама обвела наши лица утомлённым взглядом и, разлепив сухие губы, обращаясь к отцу, с усилием прошептала: «Береги детей. Я...», - не закончив фразу, она откинулась на подушку. Вдруг её тело точно пружина невероятным образом изогнулось, из раскрытых губ её тихо слетело невесомое прозрачное облачко и растворилось в воздухе. «Испустила дух страдальца наша...» - прошелестели чьи-то слова.

Бездыханная, мама лежала в смятых простынях с полуоткрытыми глазами. Чей-то женский крик всколыхнул тишину, к ней бросились люди, а я стояла как вкопанная. ...Кто скажет, что такое смерть и как мы будем жить дальше без мамы?

И вот, пожалуйста, всё разрешилось так просто и легко. То был сон, дурной сон. А явь, это здесь и сейчас. Мама пришла ко мне — казалось бы, по-настоящему пришла — сияющая, живая, красивая, весёлая, она всегда такой была, во все времена, я ничуть не удивлялась её преображенью. Тихая безоблачная радость, как ясный солнечный день после бури, не замутнённая тенью сомнения и печали, поселилась во мне. И что с того, что вчера её закопали в землю. Эта мысль ничуть не мучила меня сейчас. Значит, существуют какие-то другие законы, другой миропорядок - пусть неведомый ещё мне, это не важно, - раз моя мама тут, со мною. Она едва касается меня своими воздушными руками, гладит по голове, плечам, шепчет что-то ласковое и нежное, целует шёлковыми губами мои глаза и щёки.... Эти невесомые добрые мамины ладони, её ласковый взгляд так нужны мне сейчас! Её поцелуй, её прикосновенья легки и воздушны, она точно парит надо мною, и я сейчас купаюсь, наслаждаясь, в потоках любви и света. Мир и покой в моём сердце, и нет уголка в нём моему смятению и боли - я ещё не до конца разобралась с событиями последних дней, ворвавшихся в мою безмятежную жизнь. Хочется одного: смотреть и смотреть в эти мамины бездонные золотисто-карие глаза, как прежде, ощущать себя в этом волшебном кольце её любви беззаботной маленькой девочкой, защищённой от любых напастей.

Она сидела на краю постели, одетая в новое зимнее пальто цвета индиго, купленное ещё до болезни, почти неношеное. А на дворе стоял знойный июль — её вчера хоронили в полуденную жару, от нашего посёлка до кладбища было километра полтора; мы, близкие, сидели в полуторке с открытыми бортами рядом с гробом, сзади по пыльной дороге тянулась похоронная процессия; я неотрывно смотрела на мамино заострившееся лицо, точно пытаясь запомнить дорогие черты. ...Теперь она другая — одухотворённая, яркая, пленительно молодая, в нарядном зимнем пальто, оттеняющем её пышные золотистые волосы. Улыбка не сходила с её ясного лица.

Внезапно я вспомнила о спящих в соседней комнате братьях. Они были постарше меня: Жене исполнилось двенадцать лет, а Гене - тринадцать. Братья, думалось мне, не знали о моём свидании с мамой. Меня распирало от желания тотчас же вскочить с постели и разбудить этих соней. Но...моя драгоценная гостья жестом руки остановила меня. Ласково так говорит мне, а, может, вовсе и не говорит, а передаёт телепатически свои мысли - её слова я читаю в своём сердце:

- Не буди братьев, Анечка. Они, как и ты, дочка, сейчас слышат меня и беседуют со мной... — Мама по-прежнему с неизъяснимой нежностью глядела в мои глаза, как бы обращаясь теперь и ко мне, и к братьям, и ничего странного в этом я не находила: - Дети мои, каждый из вас видит мой облик по-своему: именно в той одежде, что вам особенно по душе. — Она, помолчав, продолжала: - Мне пора. Не спрашивайте — почему уйду. Вопрос этот неразрешимый для вас сейчас. Когда вырастите, придут новые знания о том, что на Земле иллюзорно, а что — истинно. Зовите меня всегда, более всего, когда будет вам невмоготу - я приду и поддержу. Вы не увидите меня, но скажете — это был ангел-хранитель...

Постой, мама, не уходи! Отчаянный мой крик застревает в горле. На моих глазах мамин образ стал растворяться, таять в воздухе, и спустя мгновенье от него не осталось и следа. Вот только что мы обнимались, разговаривали - вдруг она исчезла. Разве бывает такое?! Да, девочка, бывает.

Тотчас эхом отозвался мамин голос, как осколочек вещающего сна: «Я здесь. Ты не видишь меня, а я тебя вижу. Таков закон Вселенной: смерти нет, я всегда жива, только этому верь!».

...Проснувшись, я узнала у Жени и Гены, что в эту же ночь им тоже во сне являлась мама — а было ли всё это сном??? Она приходила попрощаться с нами — решили мы. Впереди нас ждала взрослая жизнь — и трудная, и вместе с тем прекрасная.

Татьяна АНАК

И почему люди не летают...

«Почему люди не летают?... Томка хлопнула книгу и уставилась в окно. Летящих объектов не наблюдалось. Серое небо, серая земля с островками грязного снега. Между оконных рам зашевелилась только что проснувшаяся от зимней спячки сонная муха. Начало апреля...

Томке хотелось реветь, но мысль о накрашенных ресницах не позволяла этого делать. Хлопнула дверь подъезда, загудел лифт. И опять тишина...

Мобильник ожил, как обычно, внезапно: «Останусь теплом на губах, останусь памятью в словах, в твоих руках дыханьем ветра...»

- Привет, - пропела трубка Ленкиным голосом. - Как дела, подруга?
- Отстань! - отрезала Томка.
- Ну, как знаешь, - согласилась Ленка и отключилась от связи. Она была понятливой и в душу не лезла.

Он не звонил. Не звонил уже пятый день. Кажется, вокруг ничего не изменилось: привычная комната, привычный пейзаж за окном. Стопка книг на подоконнике. Плеер с наушниками. И привычное уже инвалидное кресло...

Месяц назад было все так же. Но за окном сыпал хлопьями пушистый снег... В чашках золотился свежесваренный чай. Ленка болтала без умолку, рассказывая о новостях их университетской группы. Звенел ее смех, шуршали фантики от конфет. А напротив сидел Он. Хмурился и молчал, тревожно поглядывая на Томку. А та отводила глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом. Последний год переписки: нечастые письма и страх проговориться о прогрессировании болезни. И вот Он здесь: такой большой, такой загорелый, такой красивый. А она: бледная, серая мышка с темными кругами под глазами. И футболка эта застиранная, старые спортивные треники - как никогда, ни к месту. Ленка есть Ленка. Без звонка, без предупреждения...

И почему люди не летают... Муха между оконных рам проснулась окончательно, сложила свои мохнатые лапки и аккуратно принялась за утранный туалет.

Набирать знакомый номер было бесполезно. «Телефон выключен или находится вне зоны действия сети» - последние дни одно и то же...

С Сергеем Томка познакомилась на одном из туристических слетов. Общий университет, только разница в два курса. Оба молодые, здоровые, полные сил. Увлечение пришло как-то незаметно. Светлое, хрупкое чувство, которое они боялись спугнуть. И так хотелось жить, быть постоянно рядом... Внезапная Томкина болезнь разрушила все планы. Получение Сергеем распределения в другой город, взятый ею академический отпуск... Но надежда, как говорится, умирает последней, и Томка, как могла, боролась со своим недугом.

И почему люди не летают? Скоро наступит настоящая весна. Солнышко. Окна нараспашку. Черемуха - горьким ароматом. Тома вдохнула в себя воздух комнаты. Запах лекарств, попеременно с капелькой духов, нанесенных с утра на запястье. Смешно...

- Дура. Какая же она дура. Напрдумывала себе. Жить надо настоящим. Смириться, как говорила бабушка. И Ленка тоже хороша, подруга называется. «Если по-настоящему любишь, никогда не бросит», - ее слова, которым так хотелось верить...

Томка вздохнула. Муха, закончив умывание, принялась за обход своей территории. Серdito зажужжала, забившись об оконное стекло. Ну вот, и этой хочется на свободу. В сырость, в холод, но на свободу. Сидела бы в своей теплице, радовалась жизни. Ан, нет...

На глаза попала фигурка нэцке, подаренная Сергеем. Смешной, толстый божок, как бы приносящий удачу и счастье. И любовь, конечно. Сергей привез ее из какой-то дальней экспедиции. Шутит, что она, Томка, теперь будет под надежным присмотром и покровительством. Девушка осторожно взяла фигурку в ладонь, погладила, ощущая гладкость кости...

Разбудила ее знакомая мелодия мобильного. Опять этой Ленке нейдет.

Связь была ужасной. Шум, треск... Пора менять телефон, хотя этот жаль. Привыкла...

- Алло! Алло! - рвалось из трубки. Голос был далеким, но знакомым до боли.
- Сергей! - закричала Томка. - Сергей! Ты где?
- Далеко, Том! Очень далеко! Здесь нет даже нормальной связи. Через неделю буду в нашем городе. Собирайся, Томка, я увезу тебя!
- Но, Сергей...
- Я люблю тебя, Томка! Слышишь? Люблю! Связь прервалась.

И почему люди не летают? Наверно потому, что они - ЛЮДИ. У них есть ДУША. Трепетная, понимающая, любящая... А крылья - это просто атавизм. Они ни к чему, когда есть надежные, сильные руки, способные поддерживать и унести... хоть на край света.

Дина ЛЕБЕДЕВА

Приключение начинающего журналиста

Я написал материал. В редакцию принесли. Редактор охал и вздыхал, и хохотал до слез. Я разговор решил начать:

- Вам нравится статья? Тогда скорей ее в печать! - воскликнул громко я.

- Сейчас, сейчас..., - сказал мне он. - Вот это будет «гвоздь»! Но зазвонил вдруг телефон. И что тут началось!

- Не надо «уттку», не апрель! Весь репортаж прочти. Побольше фактов дай теперь,

Не «жареных», учти! Скорей укороти «усы». Сам догадаться б мог! Да-да, с четвертой полосы и убери «сапог»!

А что, на полосе овес пророс или трава? И кто туда сапог принес и почему не два?

- Какую «шапку»? Покрупней! И не забудь число!

Зачем он говорит о ней, ведь в комнате тепло? Бойтся, видно, заболеть. Хотя июль, жара. Но слышу: - «хвост» руби на треть! На треть. Давно пора...»

Мороз по коже пробежал. Зачем рубить, кому? Редактор в трубку продолжал - «Кусок» вернешь ему. - Пускай подумает. Что - нет?!

Закрался в душу страх. Наверно это людоед в костюме и очках!

Напуган я. Белей листа офсетного стою. Как хорошо, что без хвоста я прожил жизнь свою! Седыми сделались виски, коленочки

дрожат. А если режут на куски, так я не виноват!

Сюда пришел я полный сил. Состарился за миг. Редактор трубку положил:

- Теперь с тобой, старик! С газетным делом незнаком? Премудрости в том нет.

Из «блоков» можно строить дом и полосы газет. Вот тут рекламе место есть. Сюда товарный знак. Сюда мы текст, а фото здесь, К нему клише, вот так... А твой «кирпич» - материал чуть-чуть мы сократим, - и все вычеркивать он стал карандашом простым.

Я не забуду того дня. Я плакал и рыдал, когда «зарезали» меня и бросили в «подвал».

Хорошая была статья. Что я сказать могу?

И через день читаю я внизу одну строку... Андрей СУНГУРОВ

*«Гвоздь» - актуальный материал
«жареные» - устаревшие, давно известные факты
«утка» - заведомо ложный, чаще шуточный факт
«усы» - длинные строчки в начале и конце предложения
«сапог» - текст, который обрамляет фотографию или иллюстрацию слева или справа, в газете стараются избежать их.
«шапка» - заглавие статьи
«хвост» - окончание текста
«кусок» - основной текст
блок - часть газетного текста
«кирпич» - большой текст
«подвал» - нижняя часть текста на последней странице газеты*

Безумно влюбленная Бабушка

Одно из двух - наша бабушка или свихнулась, или ... влюбилась!

Да-да, очень похоже на то! Но поскольку два этих вроде бы разных катаклизма имеют весьма схожие признаки, то определить наверняка пока не удастся.

Попробуем проанализировать симптомы. То, что она отвечает на вопросы невпопад, хотя слушает собеседника с очень заинтересованным выражением на лице - увы, не определяющий показатель. Бабушка - натура творческая, она всю жизнь славилась умением с места в карьер уноситься вслед за мечтами, даже не попрощавшись. Нет, она очень вежливая и воспитанная дама, но в таких случаях попрощаться она просто не успевает. Вот только что вроде бы вам в рот смотрела, охала и ахала, а через пару минут - фьють! - и нет ее! Парит, наша орлица, поминай, как звали...

Мы не обижаемся, мы привыкли. Ее коллеги и ближайшие подруги тоже научились вовремя замечать ее исчезновение. А вот о том, как обстоят дела с непосвященными, мы стараемся не думать. У нас сейчас и так достаточно причин для беспокойства. Потому что наша единственная и неповторимая бабушка то ли влюбилась, то ли ... В общем, с ней что-то не то!

Ведь раньше, если она влюблялась (а бабушка - натура увлекающаяся!), то, как мы об этом узнавали? Она впадала попеременно в два пограничных состояния. Первое - ее влюбленность мощным потоком вливалась в общую массу любви. То есть, бабушка и так нас всегда любила, но в такие времена любила особенно сильно! Ее любовь начинала не просто выражаться в привычных заботах и опеке, она изливалась на все вокруг: на флору и фауну, на собственную родину и другие государства, на планеты и галактики, на отдельно попадающих ей под руку людей и на человечество в целом.

Бабушка переставала просто жить, отныне она жила - любя! Саму жизнь, свою способность любить и ... еще кого-то, кто являлся эпицентром этой вселенской любви.

Второе пограничное состояние наступало позже. Со временем мы научились предвидеть его приближение и заранее боялись злого рока, который преследовал нашу бабушку, обладавшую такой чудесной способностью - влюбляться в жизнь снова и снова.

Но неизменно обнаруживалось какое-то трагическое обстоятельство, из-за которого этот водопад любви срывался в пропасть, и чувства улетали в пустоту. Объект, являвшийся главной причиной чудесного настроения, которым она всех нас заражала, либо, наконец, решался открыть свою «страшную тайну», либо постыдно признавался, что силухе снести столько радости зараз, у него нет. И бабушка тут же угасала, на наших глазах...

Мы могли бы вспомнить все предыдущие случаи и не бояться, что она умрет от неразделенной любви. Но каждый раз, глядя на ее невыносимые страдания, сердце заходилось от страха...

Она, действительно, умирала! Причем, мучительно. Первые минуты, когда она входила в дом с осунувшимся лицом, то еще пыталась бороться с собой. Она говорила с нами о делах, копошилась на кухне, но с каждой минутой напряжение возрастало. Наконец, ее голос начинал предательски дрожать, посуда выскакивала из рук, несчастье смывало краски с лица и ... О, эти слезы! Целые реки слез лились из ее глаз, а она уже не могла их ни сдерживать, ни вытирать, ни, тем более, скрывать!

Бабушка уходила в свою комнату, падала плашмя на диван и приглушенно рыдала. Самое большое, что мы могли для нее сделать - это иногда заходить и гладить ее по плечу. Она поворачивала к нам опухшее от слез лицо, благодарно кивала, сквозь всхлипы отдавала какие-то распоряжения и твердо обещала, что скоро придет в себя.

Но как скоро - она не могла знать. Иногда она плакала всего несколько дней, но случалось и такое, что эти ежевечерние (а ведь днем ей приходилось держаться на работе!) страдания длились по несколько месяцев. Однажды она проплакала полгода...

Просто поразительно, как она смогла не утратить своей романтичности с годами, хотя, и не в такой степени, как прежде!

Как бы светло нам не было от такой ее в стократ усиленной любви, но ни за что на свете мы не хотели бы больше видеть ее беспомощность и боль после утраты чувств.

Поэтому сейчас, когда прошло несколько относительно спокойных лет, во время которых бабушка усердно постигала искусство прилежной домохозяйки и даже научилась печь парутройку видов пирогов, мы очень встревожились, заметив в ней кое-какие знакомые перемены.

Инновации мимо нее не прошли - и компьютер, и Интернет бабушка освоила в два счета. Ну, может, чуть дольше. Но не в этом суть. Стадии погружения в виртуальные знакомства она тоже прошла успешно. И даже блестяще! В том смысле, что успела и назначать встречи от души, и перевести переписку в дружеское и даже познавательное и полезное для творчества русло. А с непонятливыми респондентами она просто без сожаления прекратила общаться, что нас несколько удивило. Но потом порадовало.

И вдруг, когда мы уже совсем успокоились, нате вам!

Бабушка, как и все прогрессивное человечество, много общается по мобильному телефону.

ну. Ну и зачем, спрашивается, она стала убеждать с трубкой в дальние уголки квартиры? Сначала мы думали - опять по работе звонят, и мы ей мешаем. Но что-то часто она забегала, да еще и двери стала закрывать! Дальше - больше. Наша бабушка очень редко наводит марафет. Так было всегда. Нет, она следит за собой, как и любая нормальная женщина! Просто не жалует косметику, делает макияж в исключительных случаях - когда идет на публичное мероприятие. А так - посетит салон, где ей сотворят что-то долгоиграющее, и - до следующего раза свободна, как птица!

Но тут мы застукнули ее с помадой в руке! Это неслыханно - ведь что она всегда с трудом переносила, так это помаду на губах! Если уж было совершенно необходимо, она ей пользовалась, но терпела ровно до той минуты, когда можно было удалиться с салфеткой в укромный уголок и стереть помаду. И вдруг - откопала в косметичке сразу три тюбики, стоит у зеркала, и - раз-два-три - выбирает, что лучше!

Но и это еще не все! Бабушка достала с полки сапоги на каблучках! Это нонсенс! Не надо думать, что она всю жизнь в лаптях, то есть, в кроссовках пробегала, но она владеет даром выглядеть привлекательно и без каблучков. В это трудно поверить, но все же это так. Нет, обувь на маленьких каблучках она носит, но чуть повыше каблук - и у нее начинает болеть спина. Ничего не поделаешь, как уж смолоду повелось. А тут и спины не пожалела: сапожки натянула, снова перед зеркалом покрутилась, подолом юбки (юбки! вылезла из брюк!) как крылом взмахнула и - цок-цок - по ступеням лестницы...

Ну, и, наконец, самая важная улика. С самого нашего детства мы храним воспоминание о танцующей бабушке. Да, да, она танцевала! Даже занималась в клубе любителей танца. Но репетиций и периодических выступлений ей было недостаточно. Поэтому каждый раз, когда у нее выдавалось свободное время, она включала музыку и танцевала дома. По часу, а то и дольше. Это было захватывающее зрелище: движения классического танца вместе со сменой мелодии превращались в самый что ни на есть современный, и было видно, что такие хореографические упражнения не составляют для бабушки особого труда, а приносят истинное удовольствие. Так она сбрасывала с себя непомерную ношу чувств, которую ей было нелегко удерживать. Но это было давно...

А пару недель назад в квартире снова послышалась музыка. Дверь в комнату запрета неплотно... В шелку нам было видно, как бабушка стоит перед огромным зеркалом и внимательно всматривается в свое отражение. Это тоже ей несвойственно - она из тех людей, которые пробегают мимо зеркала, задержавшись возле него ровно настолько, чтобы привести себя в порядок. А тут стоит и смотрит... Неподожде, чтобы осмотр доставил ей удовлетворение, потому что все закончилось вздохом. Она отвернулась от зеркала и прислушалась к музыке... Моментально уловила ритм и начала двигаться... неуверенно... потихоньку. Никак не могла забыть то, что показало ей зеркало - она резко подошла к нему и отвернула так, чтобы оно за ней не подсматривало. И сразу ее движения наполнились свободой и стали такими же легкими, какими были когда-то. Почти такими же, ведь она так долго пыталась переделать себя!

Но тут в соседней комнате проснулся и заплакал новый маленький человек. И бабушка, забыв про танцы каблук-помаду, выпорхнула из комнаты. У них любовь - тоже вселенских масштабов! Между кошками и пронзительным плачем, крохотный паренек обязательно улучит минутку, чтобы улыбнуться навстречу лицу своей бабушки.

Наконец, малыш вдоволь наудылбался, заплакался, наелся и уснул на бабушкином плече. Она маятником вышвыгивает взад-вперед по комнате, напевая экспромтом сочиненные колыбельные. и приглушенно рассуждая, а не заняться ли ей все-рез вокалом - в этом она себя не пробовала?

И вдруг умолкает, осторожно перехватывает спящего внука одной рукой, а второй достает из кармана тихо гудящий мобильный... Вглядывается в номер, сбрасывает вызов, водворяет телефон на место и снова обнимает малыша, осторожно целуя его личико. Ее глаза светятся счастьем, а текст колыбельных песенок несколько меняется, хоть красной нитью в них всегда звучит любовь.

- Весна, весна, весна - легко вальсирует она с внуком на руках и вдруг дарит безумно-восхищенную улыбку своему отражению в зеркале.

Вот и ломай голову после этого, что же происходит на самом деле - опять влюбилась наша бабушка, или свихнулась окончательно?!

Наташа АХОНЕН

Марина Кузнецова

23.01.1974 г.р., г. Омск. Старший преподаватель Омского экономического института, кафедры управления и психологии, кандидат философских наук.

Автор сборника стихов «В преддверии странствий...» (Омск, 2005).

Второй сборник «Сказка странствий» - на данный момент находится в печати.

Член интернет-сообщества «Стихи.Ру» (псевдоним Стефания Лемберг).

Душа росла, душа звенела,
И, как цыпленок скорлупу,
Душа разламывала тело,
Клевала звезды, как крупу.
Волшебным шаром раздувалась,
От жажды роста взорвалась,
А город спал под Божью шалью,
Во сне то плача, то смеясь.

* * *

Заслониться бы, прислониться.
Вся травинкою на ветру.
Мне хотелось бы раствориться
Белоснежным туманом к утру,-
Чтоб ни аха тебе, и ни вздоха,
Ни следа, только Божьи глаза, -
Белым облачком над дорогой,
Ускользящим в небеса.

* * *

Под иконой Богородицы
Плачут женщины, молятся.
У каждой — своя печаль.
У каждой — своя свеча.
Всегда под иконой горящие свечи —
Слишком много печали на свете.

Ирина Юртаева

Изнанку жизни видя
без прикрас

Изнанку жизни видя без прикрас,
Страшась пройдох, подвохов и обманов,
Ну, чтоб вы только делали без нас,
Без племени отпетых графоманов?

Ну, что вам стоит, на короткий миг
Представив громогласный шум прибора,
В ленивых водах ласковой Оми
Увидеть волны Баренцева моря?

Привычно пьёте кофе по утрам,
Одев себя в трико и сарафаны,
Когда в мечтах, открыты всем ветрам,
Всю ночь глаз не смыкают графоманы.

Вам спать мешает ранний птичий крик
И кислую находите вы вишню
Тогда, когда герои умных книг
Для нас легко своей рискуют жизнью.

Порой рабам безропотным под стать,
Невысказанных слов таскают груды
Все те, кто день и ночь готов писать,
Кого уже не ждут литинституты.

Как трудно уместить в две пары строф
Чужие города, чужие страны.
Свой лучший, самый лучший из миров
Вам дарят безвозмездно графоманы!

Весёлое утро

Осень. Деньки уже прохладные становятся. В автобусах люди всё больше в пальто. Едут, спешат на работу. Захожу в автобус и ничего понять не могу. Весь, буквально весь, автобус давится от смеха, некоторые аж рыдают.

На переднем сиденье сидит бабуся и что-то возбуждённо рассказывает, затем начинает причитать. Рядом сидит детский горшок в пальто.

Бабуся причитает:

- Дурачок, испугался!.. баловался, баловался и набаловался... надел на башку горшок и снять не можешь. Да как же, ты, родимый... Что я делать-то буду... Поди что-нибудь резать будут. Ай-яй-яй... Грех-то какой... Люди добрые, что делать-то?..

Горшок открывает рот и издаёт нечленораздельный звук.

Внучок напуган не менее бабки.

Всё, приехали. Остановка: Больничный городок.

Шагай, молодой человек. Сейчас выручат...

Вячеслав ОМСКИЙ

Женская баня, или Как я мужчиной стал, или Дела давно минувших дней

Первое дело в жизни — это баня. Думаю, со мной многие согласятся. Бань в городе мало, как говорится, раз, два и обчёлся. На улице Пушкина — Центральная, на первой линии да на Косарева. И что прикажете делать? Правильно! Стоять в очереди. Вот мы поутру собрались с бабушкой Варей, спустились по Краснофлотской вниз, к Омке, к понтонному мосту, прошли по нему на левый берег. Солнце над Луговыми первые шаги делает, в нашу сторону спешит. Прохладно. Над Омкой туман висит. Поднимаемся направо на горку и... пожалуйста, в очередь. Очередь в баню, она не просто так, она не в самой бане, а далеко, у «голубого Дуная» начало имеет и течёт ручейком, нарушая закон всемирного тяготения, вверх. Когда только первые приходят? Запускают в баню малыми партиями. При таких обстоятельствах мы в баню должны попасть ближе к вечеру.

Очередь течёт, меняется, обменивается новостями, люди уходят, возвращаются. Подошли мы к центральному входу. Здесь музей в людскую массу превращается. Масса приобретает плотность. Мне здесь, в ногах взрослых, не выжить. Бабушка садит меня на шею. Через какое — то время мы вестибюль преодолели, стоим у двери в предбанник. Толпа напирает. Банщицы нервничают. Отталкивают людей назад, орут. Шум, гам.

Мне всё видно, я над толпой, в руке билеты. Всё смешалось. Толпа напирает сильнее.

Банщица толкает мою бабушку в грудь. Голова этой женщины рядом, я ору во всю глотку, захватывая в руку побольше волос с её головы и рву в разные стороны. Женщина, кажется, потеряла сознание. Толпа вздрогнула и отступила на шаг назад. Банщице принесли нашатырь. Она морщится и машет руками.

Крики: «Сволочи! До чего ребёнка довели, чтоб вам пусто было...»

У стены: «Что вы делаете?! Куда вы давите?! Пустите, пустите меня! Я выйду, мне плохо...»

Толпа колышется из стороны в сторону. Мы прошли в предбанник, я слез на пол.

В руке у меня пучок чужих волос. Настроения мыться, никакого. Мы сполоснулись и ушли.

Вечером дома, успокоившись, бабушка рассказывает тётке Лизе, как я её защищал. Тётя слушает молча, улыбается, потом неожиданно спокойно спрашивает: «А почему он у нас до сих пор с женщинами ходит? Пора ему в мужскую баню ходить...»

Вячеслав ОМСКИЙ

Куда уходит детство?

Один из российских каналов телевидения решил порадовать зрителей на Рождество музыкальной программой, посвященной детскому музыкальному творчеству. Программа называлась «Новая песенка 2010», куда пригласили сниматься детей, победивших в песенном конкурсе «Детская «Новая волна 2010» (участники — юные исполнители из России и стран СНГ). Сам факт появления такой телевизионной программы не может не радовать!

Однако было и чему огорчиться. Из ребятишек, имеющих хорошие голоса, режиссеры программы сделали «маленьких взрослых», подражающих манере поведения взрослых на сцене. Особенно раздражали эти походки, перенятые у Аллы Пугачевой (ноги, поставленные носками внутрь). Это просто поветрие среди взрослых исполнителей, которым всех заразила Примадонна российской эстрады. Сначала за ней эту повадку повторила Ирина Аллегрова, потом — кто-то еще, и теперь это культивируют в детях (хотя психологами такая поза читается как «неуверенность в себе»). Но кто послушает психологов, если сама Примадонна избрала подобный «стиль»!

Особенно вызвало сожаление кривляние 7-8 летней ведущей, которая, предполагая, должна была, по замыслу взрослых, «спародировать» манеру поведения на сцене то ли Дины Канделаки, то ли Ксюши Собчак? Но пародия — дело тонкое и требует большого профессионального мастерства, здесь нужен только намек, а у ребенка вышло банальное кривляние. Зачем заставлять детей кого-то пародировать? Детская непосредственность сама по себе уникальна и очаровательна!

Неужели для детских программ, которые так редко появляются в эфире, нельзя отказаться от этих «штампов» равнодушного слова «формат»? Зачем портить детское исполнение подражанием кому-то, да еще на иностранном языке?

Больше всего вызывает возмущений то, что и поют они не просто взрослый репертуар поп-исполнителей, но репертуар иностранных звезд, вряд ли понимая то, о чем они поют. Судя по этой передаче, детского репертуара в стране не имеется совсем, вот и приходится бедным детишкам «умилять» взрослых своим «кукольным стилем» и подражательностью.

Зато безголовый Боря Моисеев вышел с песенкой Наташи Королевой «Маленькая страна» под детское подпрыгивание на сцене!

Это хорошо и прекрасно, когда дети учат и знают иностранный язык, но когда им подменяют язык родной, — это ужасно! Ведь именно в детстве закладывается любовь к родному языку, уважение к своей стране, почему мы так подражательны? Дети должны оставаться детьми во всех проявлениях, в том числе творческих (а у нас красивые, талантливые дети!), они должны прожить свой детский возраст не в статусе куклы-марионетки, а настоящее детское детство.

Под финал концерта поставили совсем уже возмущающую песню в исполнении детей (в сопровождении группы «Дискоoteca-авария»), в которой были слова о том, чтобы детство скорее прошло, потому что они (в смысле «дети») тоже хотят «клеить» модели и пить «Кровавую Мэри»!

В заключение статьи мне хочется задать вопрос шоуменам и всем читателям: «Почему на международных конкурсах, например таких, как «Евровидение», взрослые исполнители из разных стран, в том числе и стран СНГ, поют на своем родном языке (украинцы- по украински, белорусы — по белорусски), и только русские — из кожи вон лезут, лепеча что-то на английском, французском, итальянском?»

До каких пор мы не будем уважать самих себя, свой язык, свою страну и культивировать это неуважение в наших подрастающих детях?

Если говорить о названии концерта «Новая песенка 2010», то, собственно, ничего нового в ней я так и не услышала, кроме подражания.

Марина КУЗНЕЦОВА

Лариса Костомарова

Родилась в г. Барнауле. Школьные годы прошли в Хакасии, в г. Абакане. Окончила Новосибирский инженерно-строительный институт, архитектурный факультет. Живу в г. Омске. Стихи начала писать три года назад. Печаталась в альманахе «Новый Енисейский литератор».

Гладиолусы

На столе моем — гладиолусы.
Ты мне песни пел, гладиол волосы.
Вьются волосы цвета колоса.
Цвета колоса - в поле полосы.

В поле полосы, словно жизнь моя.
Словно жизнь моя, черно-белая.
Черно-белая фотография.
В фотографиях — биография.

Я росой лесной смою черный цвет.
На губах — роса. За рекой - рассвет.
За рекой поют тихим голосом.
Расцвели в саду гладиолусы.

Случай на кухне

Как-то раз на кухонном столе
Посудачить собрались Продукты.
- Жить не сладко в этой кабале, -
Жаловались Овощи и Фрукты.

Заседанье Черный Хлеб открыл.
Он разбух от ярости и злости.
Закричал, что мир ему не мил -
Все грызут: хозяева и гости.

На столе поднялся шум и гам,
А Желе в обиде задрожало.
- На столе хочу быть по утрам,
Но ко мне внимания так мало!

Плачут и Картошка, и Морковь -
Их опять уже обчистил кто-то.
У Сардин — война, а не любовь.
Места в банке нет для разворота.

Прокричали до утра они.
Поняли - принять решение сложно.
Что поделывать, как не поверни,
Убежать из Кухни невозможно.

А на плитке грелось Молоко
Слушало тихонько и молчало.
- Что-либо менять, ох, нелегко, -
Думало оно... И убежало.

Зеркала

Зеркала по проспектам города
растеклись, притворившись лужами.
Приподняв воротник от холода,
шел по городу люд натруженный.
Под покровом вечера позднего
он спешил: были люди разные.
Кто-то небо увидел звездное
в лужах, кто-то - разводы грязные...

Кленовый листок

Над ночной мостовой
закружилась листва.
Позабавиться с нею решил ветерок.
А ему все равно, что заснула Москва -
Поднимает все выше кленовый листок.

И дождю по душе озорная игра -
Ожерелье из капель стодится вполне.
Пусть красуется в нем под лучом фонаря
Гордый лист, отраженьем любясь в окне.

Вот умылись дождем крыши сонных домов.
Улыбается в лужице солнечный лик.
Уплывает листок по волнам ручейков
В новый мир, удивляться. А мир так велик.

Вячеслав Омский

Кологрив

Стоят задумчиво и строго,
Судьбу пытая, дерева.
Там изумрудная дорога,
Росой умытая трава.

В лесные чащи, зверем полны,
Ведут Кашеевы следы.
Воздушных масс цветные волны,
Порядком строятся в ряды.

Там ходят тёплые туманы,
В реке купается рассвет,
Цветы в лугах от солнца пьяны,
В точь повторяют радуг цвет.

Там облака гуляют низко,
Дожди косые бьют в лицо,
Там рядом был и небыл близко,
Судьба упрятана в яйцо.

Емеля там права качает,
На печке вдоль и поперёк,
Царевна в нём души не чаёт,
А шука им даёт урок.

Там ягод спелые куртины,
Грибных полян чудной узор,
Там с воеводою дружины
Несут исправно свой дозор.

Из дальних стран вернулся в бурке,
Достойно справился с бедой,
Иван-дурак на Сивке-Бурке,
С живой и мёртвой водой.

Там от безделья леший чахнет,
Летаёт в ступе с варнаком,
К полудню зной там мёдом пахнет,
А вечер пахнет молоком.

Там звёзды падают в болота,
Озёра прячут лунный свет,
Там Берендеева забота:
Костры горят и...горя нет.

Там в теремах смеются девы,
Готовясь в шумный хоровод,
Родные русские напевы
Слышны там всюду круглый год.

Свои начала царь-природа,
Хранит любя, не устаёт,
Там корни русского народа,
Там сказка русская живёт!..

Мужество

Лицо твоё мужеством схвачено,
В глазах твоих гордость и смех,
Судьбою твоею назначено
Стоять одному против всех.

Совесть ищет отважного,
В доблести видит успех.
Родина есть у каждого,
Отечество - не у всех...

Любовь поэта

Хава нагила.*Дни и ночи
Летят амуры с васильками.
Дороги длинные короче,
Где всё заполнено сердцами.

Резонов тьма у божьей твари.
Застал нас трепет в ясной сини.
Была ты скрипкой Страдивари,
А я — Никколо Паганини...

*хава нагила(ивр.)-возрадуемся!

«Поэт и художник» - один из ярчайших российских поэтов XX столетия Адий (Аркадий) Павлович Кутилов

*«У вас в Омске хорошая поэтическая школа:
Анненский, Мартынов, Кутилов...»
Евгений Витковский*

*«Мне дали жизнь. Сказали: на!
Да чтоб звенела, как струна!..»
Аркадий Кутилов*

Ворвавшись в 60-х годах прошлого столетия, А. П. Кутилов трагически ушел из жизни в мае 1985 года.

В отечественной литературе, пожалуй, еще не было значительной личности со столь необычной творческой и жизненной судьбой: семнадцать лет непризнания, гонений, абсолютной бездомности.

Но эти же тяжелые годы сформировали в лице Аркадия Кутилова поистине уникальное явление современной русской поэзии.

Уникальное - до невероятности. До светлой зависти к тем ценителям стихов, которым еще предстоит радость открытия этого имени.

Истинный масштаб этого поэта еще не осознан современниками, но хочется верить, что в самом ближайшем будущем это непременно произойдет.

Стихи еще недавно опального, бездомного, никому не известного омского поэта вошли в антологию “Русская муза XX века”, включены в антологию “Русская поэзия XX столетия”, изданную в Лондоне на английском, наконец, — в нашу мемуарную антологию “Строфы века”. Научный редактор «Строф...» Евгений Витковский в разговоре с одним из омских литераторов недавно заметил: «У вас в Омске хорошая поэтическая школа: Анненский, Мартынов, Кутилов...»

Даже те, кто достаточно близко знал самого Аркадия Кутилова и его творчество, только сегодня начинают понимать, что этот человек родился Гением.

Насколько он СМОГ им стать, насколько ему это ПОЗВОЛИЛИ, - рассудим мы, Читатель и Время. Не заблуждался на этот счет и сам поэт: «Мне дали жизнь. Сказали: на! Да чтоб звенела, как струна!..»

Аркадий Кутилов родился 30 мая 1940 года в Иркутской области, в таежной деревне Рысьи. Родители нарекли мальчика довольно редким именем Адий (впоследствии он выберет себе в качестве псевдонима другое имя), своей же еще более редкой фамилией (зачастую воспринимавшейся читателями как явный псевдоним) он, несомненно, обязан протекающей в тех местах небольшой речушке Кутил. Иркутский период жизни будущего поэта был недолгим. Вскоре после войны, похоронив мужа, Мария Васильевна Кутилова возвращается с двумя маленькими сыновьями - старшим - Юрием и младшим - Адием - на свою родину, в село Бражниково Колосовского района Омской области. Здесь, в живописной сибирской деревне с двумя петляющими меж дворов «наивными» речками Ошей и Ячейкой, прошли детство и юность Аркадия Кутилова. Аркадий окончил среднюю школу. Работал заведующим сельским клубом и одновременно — художником-оформителем.

В начале шестидесятых годов Аркадий проходит армейскую службу в городе Смоленске, где активно включается в жизнь местного литературного объединения, участвует в семинаре молодых литераторов, получает высокую оценку своего творчества от таких поэтов, как Александр Твардовский и Николай Рыленков.

Кутилов необыкновенно популярен в литературных и читательских кругах города (в стране были времена необычайного всплеска интереса к поэзии), его стихи охотно печатают областные и армейские газеты, он даже становится автором текста гимна Смоленска. После службы в армии он возвращается в Омскую область и работает журналистом в районных газетах, затем в Омске. Его публикации напоминали не газетную хронику, а, скорее, художественные миниатюры.

По его собственному признанию, писать стихи он начал «поздно», лет с семнадцати, до этого едва ли не единственной, всепоглощающей страстью была живопись, отступившая затем как бы на задний план.

Впрочем, сегодня мы видим в лучших кутиловских стихах - Художника, в лучших его рисунках - Поэта.

Обе Музы прошли с ним через всю его жизнь, поразительным образом сочетаясь, дополняя и обогащая друг друга.

Есть некий стереотип одаренной личности. Он «как бы» легок - в жизни и искусстве. Это, разумеется, миф. За бесшабашным «прожиганием жизни» он, быть может, лучше других видел огромное неизбывное горе. Из этого следуют многие особенности его творческой манеры. Душа человеческая у него - это котел, где кипит и смешивается высокое и низкое, уродливое и прекрасное, злое и доброе. Художнику незначит бичевать порок и превозносить добродетель, на его долю остаются печальная ирония и одновременно искреннее сочувствие. Он выявляет характеры своих персонажей, которые становятся у него необыкновенно живыми. Творчество Кутилова можно считать многоплановым, всеохватным, оно отражает в себе все проблемы, какие только могут взволновать сердце истинного поэта.

Нравственность и духовность, экология и

пацифизм, философия и история, война и политика, наука и искусство - все эти темы поэт пропускает через свою мятушную, ранимую душу, заметно меняются его стиль и лексика, но везде слышен узнаваемый, неповторимый голос, никогда не теряющий своего главного, особого свойства - удивлять.

Почти все творчество Кутилова автобиографично. Он писал о людях, которых видел каждый день, писал о них с теплотой, окрашенной нотками юмора. За этим грустным юмором видна тоска разочарования, а иногда - и настоящее отчаяние. Кутилов не питал иллюзий относительно окружающей его жизни, при этом стремясь к тому, чтобы его образы вызвали у зрителя симпатию, но не жалость.

Рисование у Кутилова составляло существенную часть творческого процесса.

Еще Г. Р. Державин утверждал, что поэзия есть не что иное, как «говорящая живопись», а средства ее изобразительности, ее «картинность» - это «немой язык поэзии».

Из воспоминаний учителей Кутилова, он рано обнаружил «способности к наукам до воображения касающимся», занимаясь рисованием, подражал лубочным картинкам.

Рисунки Кутилова прямо перекликаются с музыкальной гармонией его стиха.

В этих рисунках он достигал виртуозного мастерства. Кажется, что рука не отстает от пробегающего по изображаемому глазу, и в этой непосредственности почти автоматического рисования.

Это понимается, главным образом, благодаря наблюдениям над графикой А.Кутилова. Особенности кутиловской графики, прежде всего в том, что она является как бы «изобразительным дневником» поэта, иллюстрирующим его стихи, или отражающим ассоциации его раздумий во время работы, или закрепляющим зрительные образы, попавшие в поле его внимания.

Этот дневник делался для себя, а не для других. Обычно эти рисунки создавались на лету, непритязательно, без расчета на посторонний глаз. Они возникали в процессе творчества, среди его пауз, между появляющимися строчками. На полях черновиков Кутилов чертил, когда задумывался, а задумываясь, выводил пером очертания людей и вещей, занимавших его мысль. В результате этого процесса и возник тот словесно-изобразительный образ, который можно читать как стенограмму творческого переживания.

Что чертило кутиловское перо? Почти беспредметные арабески, виньетки, наброски пейзажей - кусты, деревья, горы, лошадей, птиц, редко здания, детали интерьеров, и в большинстве случаев людей - фигуры и лица.

Некоторые узнаются сразу и безошибочно, опознание других требует кропотливых разысканий. Кто эти лица? Родные, друзья, женщины, которыми он увлекался, писатели-современники, писатели прошлого, литературные герои, исторические деятели, мифологические персонажи или просто имена нарицательные, так или иначе занимавшие его воображение?

На сегодняшний день известно большое количество имен, изображаемых Кутиловым.

Зрительная память и уверенность руки в этих набросках поразительны. Для каждого изображения Кутилов мгновенно находил свою «форму», и каждый раз мы видим и персонаж, и отношение поэта к нему, выраженное с предельным лаконизмом.

Известны также стихи и рисунки Кутилова, которые он написал для детей.

Персонажи стихов А. Кутилова узнаются с первого взгляда, хотя выполнены всего лишь несколькими линиями и штрихами.

Он владел каким — то необъяснимым даром превращать простые линии в объемный рисунок. В его изображениях все живет, движется.

Детские стихи Кутилова воспитывают. В них всегда решается какая — либо проблема.

Кутилов учит детей хорошим поступкам, сочувствию к чужому горю, умению радоваться.

Стихи написаны с любовью, с юмором к тем, кого он изображал тут же, в своих рисунках.

Он был наделен необыкновенным художественным воображением.

Чтобы рисовать так просто и так похоже, необходима острая наблюдательность натуры, феноменальная память и знания в области пластики.

Всем этим и обладал Кутилов, за исключением того, что не имел специального ни литературного, ни художественного образования.

В каждом стихотворении героями прожигается как бы целая жизнь.

В своих стихотворениях он рассказал о птицах, насекомых, цветах, рыбах, грибах, деревьях, домашних и диких животных, природных явлениях, людях.

Знакомил он и с фантастическими персонажами: инопланетянами, марсианами, роботом.

Детские стихи А. П. Кутилова читаются и воспринимаются легко и с большим интересом.

Сегодня, спустя двадцать шесть лет после его гибели, творчество поэта пробивается к читателю по крупицам.

Появились «первые ласточки» популяризации творчества талантливого сибирского поэта.

Это создание самого первого музея Ар-

кадия Кутилова и мемориального комплекса в селе Бражниково Колосовского района, на родине поэта; открытие школьного музея творчества Аркадия Кутилова в школе № 95 города Омска.

30 июля 2010 года в Омске, на Аллее литераторов, установлен памятный камень с именем Аркадия Кутилова.

По крупицам собирается творческое наследие А. Кутилова.

В память о нем созданы фильмы: Новосибирской киностудией, Омской - «Кто такой Аркадий Кутилов?», режиссер А. Полеводов, 2005 год, и Московской киностудией - «Москва придумает меня», автор фильма Вилен Визильтер, 2009 год.

Аркадий Кутилов - автор 8 сборников стихов, вышедших после его смерти в различных издательствах. Их общий тираж ничтожно мал.

На стихи А. Кутилова пишутся песни. Первая песня на его стихотворение «Монолог убитого» написана Геннадием Пономаревым, а спета народной артисткой России Жанной Бичевской. 12 песен на его стихи написала и исполнила Омский композитор Лолита Чернорай. Марьяновский композитор Александр Козырев написал музыку на стихотворение А.Кутилова «Я пока что в России не признан...» и музыкальный памфлет «Муха».

Хранителем Музея А. Кутилова в селе Бражниково Колосовского района Е. Н. Зверьковой написано стихотворение «Вальс поэту», а омским поэтом Г. Тарасовым стихотворение: «На Кутиловском мосту». Музыка на эти стихи написана Александром Козыревым, село Марьяновка.

Творчеству и личности Кутилова посвящают стихи известные поэты из разных уголков мира, начинающие поэты Омска. Учащиеся общеобразовательных учреждений иллюстрируют его произведения.

Примечательно и то, что Кутилов не только поэт, но еще и художник.

Его записные книжки со стихами имеют множество рисунков на полях.

«Рисование - часть моего творчества, - говорил поэт. - В этом деле многое знаю и многое умею». Рисование у Кутилова составляло существенную часть творческого процесса.

Нам давно и привычно выражение: рисунки писателей. На различных юбилейных выставках, посвященных памяти Аркадия Кутилова, рядом с рукописями поэта посетители с любопытством и умилением, но не без смущения разглядывали его рисунки.

В изобразительных опытах поэта видна несомненная одаренность и уверенное мастерство.

Кутилов постоянно рисовал. Некоторые из его рисунков можно рассматривать как законченные работы, но основная их часть является сопроводительными набросками к его стихам. Иногда его рисунок - это карикатура, передающая несколькими штрихами характерный жест или внешность. Свои рисунки он делал не только карандашом, но и тушью, фломастерами, цветными карандашами, использовал подцветку акварелью. Очень часто в одном рисунке он использовал разные техники (известно несколько коллажей).

Писательские рисунки Кутилова так прочно вошли в наше сознание, что мы уже просто не в состоянии представить себе его творчество без всех этих росчерков, виньеток, профилей и ножек. Его рисунки стали совершенно необходимы настолько, что в оформлении его изданий, да и вообще всего связанного с его эпохой, выработался своего рода стереотип, непременно требующий какой-то кудрявой факсимильной манеры.

Несмотря на то, что жизнь Кутилова оказалась очень короткой, он успел оставить после себя огромное наследие.

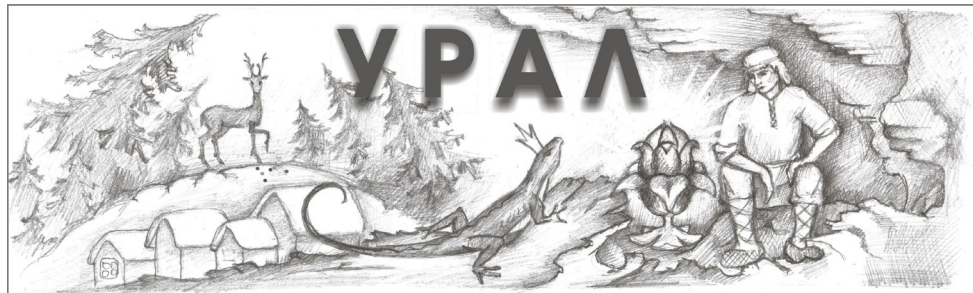
Он не сумел издать при жизни книг, оставив разрозненные записи своего творчества и неполные факты биографии. Но самые страстные поклонники кутиловской поэзии торопятся успеть собрать воспоминания о нем современников и то, что осело когда-то в домашних архивах его знакомых и друзей.

Официального признания в Омске поэт сложной судьбы так еще и не получил, хотя его свободолюбивые стихи известны далеко за пределами нашей страны.

У него еще все впереди. Будет в городе Омске и улица, носящая его имя, будет, наконец разрысана его могила, поставлен памятник, будет и всероссийское признание...

Н.АРЗАМАСЦЕВА

Римма Дышаленкова
ГРАНАТ

Январь, морозами богатый,
Ночь и короткие деньки.
В ладошке камешки граната
Краснеют, будто угольки.
В сокровище тепло надежды,
Не угасающий очаг.
Душа уверена, как прежде,
Седой январь тебе не враг.
Гранаты пробуждают память:
Свиданья, праздники, балы...
И клятвы страсти между нами,
Дары всеобщие любви.
Гранатовое ожерелье
Листаю, будто календарь.
И вот уже цветки апреля -
Теперь пора любить январь.

ДЕНЬ СОЛНЕЧНОГО СТОЯНИЯ

Чаша солнечной радости
-Солнце в небе стоит.
Это День благодарности.
Это Света зенит.
Это Солнцестояние.
День за год.
Это к произрастанию
Нас Звезда зовет.
Вот младенец тяжеленко
С четверенек встает.
Перед солнышком голенький
Веселится, растет.
Поднимает смышлениша
В многолетний побег...
Что-то надобно солнышку
От тебя, Человек!

* * *

В июньской
самой ласковой поре
я не чужая небу и земле.
Еще нежна
июньская гроза.
Еще свежа
июньская роса.
Еще бурлива
вольная вода.
Еще надежда
детски молода.
Зовут сады
на розовой заре:
Мы не чужие
небу и земле!

ТАЙНА НЕРАЗБИТОГО ЯЙЦА

Кто ждет птенца,
Не разобьет яйца.
Есть тайна
Неразбитого яйца.
Не ты, гордец,
Не ты - первопричина
Ореха, зернышка, яйца и апельсина...
Не ты причина
морю-океану... но я любить тебя
не перестану. Люблю утробное и гордое
лицо: Ужель не ты
создал куриное яйцо?

* * *

- Раскройся, сокровенная Душа!
Не бойся, души
Дышат не спеша.
Душа в ответ:
- Нам рано говорить.
Предпочитаю
Сокровенной быть.
Пока в тебе
Не воцарится рай,
Меня на разговор
Не вызывай!

Надежда Сергеева
Звёзды

Из глубины веков ночами темными
Нам светят звезд небесные глаза.
Волшебным светом дальних
звезд плененные
С надеждой мы глядим на небеса.

Мечты людей со звездами повенчаны,
Ведь звезды знают многое о нас...
А «подарю звезду любимой женщине» -
Одна из самых популярных фраз!

Я слышала, что звезды были душами,
Закончившими жизни путь земной.
И мы с земли покой их не нарушили,
Любуясь звездным небом в час ночной.

Сиянье звёзд, как вечности мгновения,
Как царство бесконечно долгих грёз,
Дарует нам в минуты откровения
Для очищения души потоки слёз.

Плакала Танечка

Как по пригорочку катилось яблочко,
Тропинкой узенькой да не прямой,
А на пригорочке рыдала Танечка:
- Уехал милый мой да не со мной!

Весною встретила над речкой
быстрою...
Приворожил девчонку карий взгляд,
Сердечко вспыхнуло любовной
искрою..
И нет дороженьки теперь назад...

Беду заметили подружки верные -
Встречался миленький с другой в саду!
Ох, горе-горюшко мое безмерное,
Горела от любви, теперь во льду!»

Забудь неверного, подружка милая,
Слёз горьких по нему сейчас не лей!
Придет к тебе любовь неразделимая,
Лишь для тебя петь будет соловей!

Роза и дождь

-Ах, негодяй какой! Ату его, ату! -
Кричала роза в центре клумбы в парке,
- Истеребил все лепестки, листву...
Ах, я уже, наверно, не живу!"
А ливень лишь хлестал

и выдал всё до капли.

Пригрело солнышко,
сменив гневливый дождь,
Как расцвела, похорошела роза,
И, сбросив с лепестков дождинок гроздь,
Сказала тихо: "Вымокнуть пришлось,
Но этот дождь... о нём одном
в жару все грёзы!"

*

Вам эта роза наша не знакома?
Сперва - гроза, мечты любви потом...
Сменить на милость гнев —
что за истомы
Влиять на всех конфетой и кнутом...

Хочу фейхоа

Чего нельзя, того и хочется. Нельзя пить сырую воду, но пьёшь, а перед глазами -дохлые мышки, плывущие по реке, и дядечка в замасленной спецовке, щедрой рукой швыряющий хлорку в городской водопровод.

Нельзя мечтать - бесполезное занятие, но... Старшеклассница, у которой в настоящем - приевшаяся варёная картошка, а в перспективе - стояние на морозе в рыбном ряду, томно грезит о прекрасном (нет, не принце) «новом русском» со всеми прилагающимися к нему атрибутами достойной жизни. Мать семейства, замученная мужем-пьяницей, мечтает произнести заветные слова «по щучьему велению, по моему хотению» и отправить благоверного кверху тормашками за тридцать земель.

Счастливые новобрачные не подозревают, что свадьба и последующая за ней семейная жизнь — как блестящий фантик, в котором прячется пересолённая и переперченная конфетка. Фантик развёрнут и выброшен, а начинку жевать всю жизнь. Или до развода.

Обманывают нас наши мечты, обманчивы и деяния человеческие. Две женщины вкладывают калек в протянутую ладонь несколько монеток. Истинно верующая своим милосердным сердцем пожалела инвалида, у второй — корыстный расчёт: «Вот подала я ему милостыньку, вознаграждаю теперь меня небеса за это своими щедротами».

Преподносит мужчина своей жене дешёвую осыпавшуюся гвоздичку, а сам сияет. Думаете, от избытка нежных чувств-с? Вспомните в его глаза — он восхищён своим поступком. Действительно, щедрый дар, если учесть, что обычно он вручает ей лишь стоячие носки для стирки.

Вот я важно шествую мимо изобилия фруктов на рынке. Можно подумать, что я обеспеченная дама, озабоченная проблемой — купить ящик хурмы или ящик винограда, или и то, и другое. А вот и нет. В сумочке моей — только вкусный запах от зарплат, закончившейся ещё неделю назад.

Черноглазые красавцы заманивают:

- Слушай, дэвушк, па-а-акувай, вот — апэлсин, вот — банан, вот — пэрсик!
- Не-а, - мотаю я головой, - не хочу персиков. Я фейхоа ишу! — и с гордым видом двигаюсь дальше. Я не знаю, что такое фейхоа, но слово-то красивое!

Наконец, останавливаюсь перед продащицей. И она мне, тётеньке среднего возраста и ниже среднего достатка, как юной обладательнице несчитанных миллионов, приторно щебечет:

- Милая девушка, купите, пожалуйста, у меня сливоченького маслица. Дать Вам кусочек попробовать? В пакетик завернуть? Вот Ваша сдачка. Большое спасибо, девушка, приходите ещё.

Довольная, ослеплённая комплиментами, несущая домой двестиграммовую покупочку. Меня, наверняка, обвесили и, конечно, обсчитали, зато как красиво!

Так пусть же наши мечты будут красивыми, и спасибо красоте, живущей не только в мечтах!

Казань

Песик по имени Вереск

Была зима. У магазина стояла старуха. Сморщенное лицо с длинным крючковатым носом, большие мешки под глазами. Седые давно не мытые волосы, которые ключьями выбивались из-под рваного платка неопределенной расцветки. Всё говорило о неряшливом образе жизни женщины. Возле неё ног жалостливо жался маленький, черный щеночек, такой же несчастный и грязный.

- Возьмите собаку, возьмите, - нудно повторяла старуха, приставая к прохожим, - Не дорого отдам. Помогите господу прохожие!

- Пятый раз уже продает — шушукались между собой прохожие, торопливо пробегая мимо.

Маша торопилась домой. Жалкий вид маленького существа не мог оставить ее равнодушной. Она не считая, бросила в грязную ладонь старухи горсть мелочи, которая, кстати, отыскалась в карманах куртки и со слезами на глазах прижала щенка к груди.

Через час в мисочки перед щенком лежало мясо. Ел он много, жадно оглядываясь. После ужина девушка осторожно взяла жалкий шерстяной комочек на руки и отправилась в город на поиски ветеринарной лечебницы.

Врач внимательно осмотрел обтянутый кожей скелетик, выслушал довольно сбивчивый рассказ Маши о страшной, носатой старухе и назначил песику курс уколов. Но тощий, изголодавшийся Вереск (Так Маша назвала своего найденыша) больше всего на свете ценил вкусную еду.

Но вот, наконец-то на улице запахло весной. Морозы и метели сменились частыми оттепелями. Воздух был холодный и влажный, но все чаще стало светлеть высокое серое небо. Под яркими лучами солнца земля постепенно отогрелась. Наступил долгожданный дачный сезон. Миниатюрная ушастая и глазастая собачка грациозно выглядывала на тоненьких задних лапах из большой цветочной клумбы, и как живой черный флюгер на ветру неустанно крутилась во все стороны, наблюдая за жуками и стрекозами громким залившимся лаем то и дело, прогоняя с территории дачи трясогузок. Надо было видеть, какой щенячий восторг отражался при этом, на довольно симпатичной мордочке Вереска. Когда Маша занималась рассадой и трудолюбиво копала землю лопатой, любознательный песик был тут как тут и помогал хозяйки рыть ямки, вовсю стараясь маленькими, проворными лапками.

Незаметно пролетел год. Вереск окреп и вырос. С холеной, ухоженной, блестящей шерстью и формой тела похожей на сардельку в песике почти невозможно было узнать прежнего жалкого и тощего щенка. И всё же было хорошо, но однажды ужасная тень прошлой жизни ненадолго дотронулась до жизнерадостного Вереска. Старуха, как обычно стояла на своем «боевом посту» у магазина. Мимо то и дело спешили прохожие, торопясь по своим делам, ни обращая внимание на неопрятную нищенку.

Со скоростью пули прицельно пущенной из ружья Вереск выскочил из придорожных кустов. Тяпнул ненавистную старуху за ногу и тут же отбежал назад. Охая и громко проклиная, всё на свете старуха долго оглядывалась по сторонам не понимая, кто же мог нанести непоправимый урон ее здоровью. Вот так маленький, резвый щенок смог отомстить своему темному прошлому, навсегда расставаясь с ним.

Ирина Пивченко

Родилась и живу в г. Рудный (Казахстан). Печаталась в городских газетах и республиканском литературно-художественном журнале «Нива». Литературные пристрастия разнообразные - от научных работ по истории религии до детективов Донцовых. Любимый писатель - Михаил Афанасьевич Булгаков. В современных авторах ишу интеллект, юмор «выше пояса», нравственность.

Сергей Карпеев

Родился и живет в Казани. Пишет стихи и прозу. Изданы 4 авторские сборника С.Карпеева: «Хлеб из цирка», «Музыка стиха», «Стихи для тебя», «Дует с душой». Предлагаем вниманию читателей «ПИ1» новые рассказы и стихи Сергея.

Вера Тансканен
Финляндия

Чудеса на озере

Солнца луч прилёт на травы,
Окунулся в сладкий сон.
Всюду бабочки порхают,
В дрёме зноя пруд лесной.

На мостках, как кот усатый
Наблюдаю, чуть дыша.
Вижу, окунь полосатый
Притаился в камышах.

Дно песчаное в запруде.
Серебристые мальки
Стайкой ходят друг за другом.
Взмах рукой — вода кипит!

Гладь зеркальную кругами
Развели, ушли на дно.
Плавниками ил подняли.
Меж камней - покой, темно.

Царство рыб! Жучки, ракушки.
Под водой нет звуков — тишь...
Ква-ква-у-ррр!- басит лягушка.
Ши-у-ш-и-и!- поёт камыш...

Квакша лапкой ленно водит.
Улыбаясь, щурит глаз!
Познакомиться есть повод!
Испугалась?! Вот те раз!

Как бы мне с тобой поладить?
Лист кувшинки на ладонь
Приложил, хочу погладить
Лягушонка лепестком.

Пучеглазый встрепенулся,
«Ластой» шлёпнул, подмигнул,
Квакнул, хитро улыбнулся!
Бу-ульк...под листик он нырнул.

Ламбушка блестит, сверкает,
Как прозрачна в ней вода!
Рыбки плавают, играют!
Солнце достаёт до дна!

Маску со стеклом-оконцем
Я надел. И прыг с мостка!
С головой нырнул за солнцем,
А поймал лишь горсть песка!

Удивляюсь миру сказок,
Что ни день — всё чудеса!
Замечаешь, сколько красок?
Свой рассказ придумай сам!

БУСЫ ЯНТАРНЫЕ

Вышел к болоту -
маршрут непредвиденный.
Солнце палит - в зените июль.
Бусы янтарные всюду рассыпаны!
Зной лета жаркого, оводов гул.

Видишь, в траве капли
мёда пахучего!
Ты их попробуй, в горсть собери,
Вдруг, не представится более случая
То наслаждение вновь повторить!

Запах морошки почувствуй, запомни!
В дар от природы в подарок прими!
Да, это так! — Я действительно понял:
Вкус этой ягоды душу пьянит!

ЛЮБОВЬ ЗНАКОВСКАЯ

Израиль, Тверия

ГАДКИЙ УТЁНОК

Я и сам
Не разберусь,
Кто я —
Утка или гусь?

Может, даже
Страусёнок —
Ноги длинные,
Клюв мой тонок.

Перьев нет,
Один пушок.
Хвост похож
На гребешок.

Вся куриная
Семья
Куд-кудахчет,
Кто же я?

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Паращют, парашютист —
Золотой кленовый лист.
Он слетел с верхушки клёна,
Где всё лето жил зелёным.
В сентябре он пожелтел,
В октябре с ветвей слетел,
Закружился надо мною —
Жёлтый под голубизною.
На плечо прилёт немножко,
Будто тёплая ладошка.
А потом скользнул в корзину
И прикрыл собой малину.
Я принёс его домой —
Поживёт у нас зимой!

БУМАЖНЫЙ КОРАБЛИК

Бумажный кораблик
Плывёт по реке
Туда и обратно
На длинном шнурке.

Его из газеты
Я сам смастерил
И реченьке этой
Сейчас подарил.

А речке по имени
Лужа
Кораблик — вот именно!-
Нужен.

Я ИЩУ ЛИСУ В ЛЕСУ

Я ищу лису в лесу...
Что с собою я несу?
Я несу лисе в подарок
Булку, рыбу и фонарик.

Но фонарь не пригодится:
У лисы во тьме глаза
Так горят, что даже птице
Незаметной стать нельзя.

Булку съест её лисёнок —
Рыжий, будто гриб-опёнок.
Рыбу съест она сама —
Хоть налима, хоть сома:

Очень любит рыбу лиска,
А река у нас неблизко!..

ТЕРЕМОК

Терем,
Терем,
Теремок.
Он под дождиком
Промок.
Чтоб совсем
Не развалиться,
Терем хочет
Подсушиться.
Запер двери
На крючок.
Лёг под солнце
На бочок.

УТКА-ПЕГАНКА

Я — не гриб-поганка,
Я — уточка-пеганка!
В перьях цвета пегого
Ковыляю, бегаю.

Но для уточки вода
Поважнее, чем еда:
Плаваю, ныряю,
Рыбок догоняю.

Рыбки всё же чуточку
Обогнали уточку.

Паулина Чечельницкая

Израиль, Тверия

ЧТО ЛЕТАЕТ НАД НАМИ

Если часок полежать на спине,
Можно увидеть, как там, в вышине,
Белый кораблик по небу плывёт
И вырастает в большой пароход.

Белый медведь, закрывая полсолнца,
Словно по льдине, по небу несётся...
Белый журавлик, летящий за стаей,
Крыльями машет и медленно тает.

Кружатся в танце гиганты-цветы,
Смотрят медузы на нас с высоты.
Белый слонёнок нам машет ушами,
Топают рядом смешной бегемот...
Кто же, скажите, летает над нами —
Кружится, тает, несётся, плывёт?..

БЕССОННИЦА

Обидно, знаете, до слёз:
Не сплю я до рассвета,
Мой сон скитается меж звёзд,
Как малая планета.

Такой бродяга этот сон!
И может так случиться,
Что навсегда забудет он
К хозяйке воротиться.

ГРУСТНАЯ МЫШКА

Грустная мышка в каморке сидит.
Может быть, папа на мышку сердит?
В чём провинилась несчастная мышка?
Может, стянула у братика пышку?
Не поделила с сестрёнкой конфету?
Всё это грустно, но дело не в этом.
Бродит по комнатам котик-проньера —
Вот и осталось семейство без сыра...

Озерякова Галина
Костромская обл.

Осенью..

Ночь открывает секреты,
Осень огнем рисует.
Звуки рояля где- то...
-Холодно. Потанцуем?
В пламени листопада
Танго танцуют двое...
Мне ничего не надо,
Только бы быть с тобою!

* * *

Холодный вечер
Рассыпал звуки.
Гитару в руки,
Пальто на плечи.

Считаем звезды,
Поем про ЭТО.
А быть поэтом
Совсем не просто.

Мы догмы рушим,
Живем надеждой,
А под одеждой -
Живые души!

* * *

Осень - время бездорожья.
По каким путям блуждаем?
Отчего так безнадежно
Нас опять тоска съедает?

Словно мы забыли что-то...
Песню ветра у причала?...
Мы сожжем все наши фото,
Чтобы всё начать сначала!

И печаль свою отпустим,
Скинем груз воспоминаний.
Осень — время сладкой грусти.
Осень - время расставаний.

ЗАБОР

Забор был старый. Он плотным кольцом окружал яблоневый сад колхоза «Заря коммунизма». Я не знаю, мешало ли кому-нибудь это несурзное теперь название, но настоящая заря Забору очень мешала. С зарёй на Забор прилетали птицы, довольно симпатичные, но шумные и кричащие существа. И пока ленивое солнце медленно поднимало свою рыжую мордашку из-за облаков, Забору приходилось слушать их длинные звонкие песни и одиноко скрипеть под вздохами свежего утреннего ветра. Забор терпел. А что ему оставалось делать? Он ведь был на своем посту, а как уйдёшь с поста, если ему уже несколько лет не было ни какой замены? Доски прогнили и посерели от долгих осенних ливней.

Но когда ближе к ночи, деревенские мальчишки совершали свои бесконечные набеги за колхозными яблоками, тогда появлялись незаметные защитники нашего героя.

Да, да, не удивляйтесь: были у него и такие, маленькие, остроносые занозы, которые тихо сидели в досках до поры до времени, не показывая своего колючего нрава. Но стоило какому-нибудь мальчишке-воришке, прикоснуться к Забору, как они с удовольствием впивались в его розовые, шаловливые пальцы. Да так больно, что мальчишка иногда бросал ворованные яблоки и начинал плакать и дуть на свою исколотую ладонь.

Другим помощником Забора был Гвоздь, который тоже ужасно не любил мальчишек, стараясь зацепить их, поскольку такой уж у него был характер, - приставучий.

И нередко мальчишки, чтобы отцепиться от железного пристава, оставляли на нем маленькие и большие тряпки и тряпочки, которые принадлежали их штанам и рубашкам

Однажды осенней ночью случилось беда. От сильного порыва ветра Забор упал, не весь, конечно, а только его небольшая часть, но главный слуга Забора, - Гвоздь, тоже оказался не у дел, ведь он был вбит в серую трухлявую доску, лежащую теперь на земле.

Забору стало совсем плохо. Большая дыра позволяла беспрепятственно лазить мальчишкам в колхозный сад за яблоками. Колючие занозы ещё глубже спрятали свои острые носики в доски, их помощь была уже никому не нужна. А птицы на Забор по утрам садились всё реже и реже. Загрустил Забор.

Упавшие доски колхозный сторож Михеич отнёс к себе во двор и кинул в большую печку. В избе доски сторели, исполняя прихоть рыжеусого проказника Огня, частого обитателя нутра добродушной печки.

А Гвоздь выдернули и оставили во дворе. И ещё долго несмышленные цыплята старались задеть Гвоздь своими крепкими клювами, принимая его за скрюченного дождевого червя, который случайно заполз во двор старого Михеича...

Сергей КАПТЕЕВ
г. Казань